VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

ИГОРЬ ОРАНСКИЙ

Восточные единоборства

Москва
«Советский спорт»
1990

ББК 75.715
О-63

Оранский И. В.
О-63 Восточные единоборства.— М.: Советский спорт, 1990.—80 с., ил.

ISBN 5—85009—070—3

Издание призвано хотя бы частично удовлетворить все возрастающий интерес в нашей стране к различным видам восточных единоборств — ушу, каратэ-до, таэквондо и др.

В книге в живой, увлекательной форме рассказывается об истории возникновения и развития, а также современном состоянии китайской, японской и корейской разновидностей борьбы.

Для широкого круга читателей.

О $\frac{4204000000—1082}{099(02)—90}$ 123—90 ББК 75.715

ISBN 5—85009—070—3

© Оранский И. В., 1990
© Издательство «Советский спорт», 1990, оформление, иллюстрации

От издательства

Интерес к различным видам восточных единоборств, главным образом к китайским, японским и корейским системам борьбы, заметно возрос в нашей стране во второй половине 80-х годов. Удивляться этому не следует: боевые искусства упомянутых национальных школ уже давно популярны во всем мире.

Нельзя сказать, что мы знакомимся с ними впервые. Так, в 60-х годах в СССР получила распространение спортивная модификация борьбы дзюдо, а в 70-х — прикладная техника различных стилей каратэ-до, или, по устоявшейся в прессе терминологии, каратэ.

Этому последнему виду борьбы повезло у нас менее всего. Тогдашнее руководство правоохранительных органов связало с его широкой популярностью повышение уровня уличной преступности, в результате занятия каратэ были запрещены в законодательном порядке. Не вдаваясь в анализ правомерности этого решения, следует все же отметить, что есть в таком исходе некоторая историческая закономерность, а может быть, и справедливость. Дело в том, что наши доморощенные «сэнсеи» в большинстве своем рассматривали каратэ как технику нанесения ударов в уязвимые места. Существует опасность, что подобный взгляд может возобладать и теперь, перенесенный к тому же на другие виды восточных единоборств.

Однако ни прикладная, ни даже спортивная сторона рассматриваемых боевых искусств практически не существует на Востоке изолированно. Являясь частью воспитательного кодекса и образа жизни, они служат развитию и становлению гармонической личности. Настоящие мастера «становятся воинами, чтобы никогда не сражаться».

Приоритетом нравственности, гуманизма проникнуто подавляющее большинство восточных единоборств, в чем читатель может убедиться сам, прочитав эту книгу. Автор — известный московский журналист, опубликовавший ряд статей на данную тему, не ограничился изложением моральных и философских принципов того или иного вида боевых искусств, он рассказывает и о его истории, и о современном состоянии. Кроме того, располагая материалами, почерпнутыми из зарубежных источников, И. Оранский приводит сведения, которые могут показаться фантастическими. Признаться, нам трудно их подтвердить или опровергнуть, ведь комплексное изучение боевых искусств Востока еще ждет своего часа, а о возможностях человеческого организма современной науке известно далеко не все...

Эта книга как бы вводное издание перед серией других, которые издательство планирует выпустить по прикладным и спортивным системам различных видов восточных единоборств (таэквондо, каратэ-до и др.). Думается, что она будет способствовать и более всестороннему освоению оздоровительных систем, изложенных в несколько опередивших ее с выходом в свет брошюрах цикла «Уроки китайской гимнастики» (этот цикл наше издательство также намечает продолжить).

Предисловие

«...Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...» Эти слова английского писателя Редьярда Киплинга отражают — пусть и в форме поэтического преувеличения — огромные, глубинные различия между двумя частями света. Для европейца Восток — загадка, разгадывать которую можно бесконечно долго и так и не разгадать до конца. Религия, философия, культура, уклад и образ жизни Востока необычны и, как все таинственное и непонятное, манят к себе сильнее самого мощного магнита.

Восток... Восток... Тревожащий запах пряностей и изящные начертания иероглифов, настойка чудодейственного корня женьшеня и изысканно красивые гейши, целебные уколы игл и расшитые золотыми драконами кимоно, загадочная полуулыбка Будды и невообразимо ароматный чай, традиционная сверхвежливость и бесподобный сад камней... И, конечно, феноменальные, фантастичные,

поражающие воображение боевые искусства, которые многих привлекают больше, чем все остальные чудеса Дальнего Востока вместе взятые.

Различные виды невооруженного и вооруженного поединка существовали практически у всех народов. История донесла до нас сведения о разных системах борьбы у египтян и инков, о греческом панкратионе и индийской ваджрамушти, о древнерусской борьбе «утризне» и рыцарской борьбе европейского Средневековья, о стрельбе из луков и арбалетов, поединках на мечах, копьях и дубинках, о метании кос, серпов и бумерангов. Была своя борьба у кельтов и скифов, у североамериканских индейцев и австралийских аборигенов, у викингов и монголов. Но собрать разрозненные приемы в стройную систему с четкой классификацией, принципами и методами, подвести под нее философскую и морально-этическую базу, сделать ее способом не только физического, но и нравственного, психологического, духовного совершенствования человека смогли только на Востоке. Именно там рукопашный бой был превращен в искусство — такое же, как каллиграфия, чайная церемония, икебана, китайские классические четверостишия. Искусство, ставшее не только неотъемлемой частью культуры и традиций народа, но и образом жизни тех, кто занимается им всерьез. И именно поэтому оно сохранилось до наших дней. Искусство, требующее не слепого повторения давно установленных канонов, а осмысления, проникновения в каждое движение и — творчества. Искусство, которое развивает у человека самые разные, порой абсолютно неожиданные способности и дает ему возможность полнее раскрыться, глубже познать себя и окружающих, самореализоваться в любой области.

Древние мастера были профессионалами не только во владении собственным телом, но и в поэзии, одинаково уверенно делали завершающий красивую композицию штрих мечом и кистью. Примеров тому более чем достаточно и сегодня. Искусство это, выйдя из глубины веков и благополучно пройдя сквозь историю, не только сохранилось, но и расцветает, привлекает все новых и новых поклонников. И делает их жизнь разнообразной и яркой.

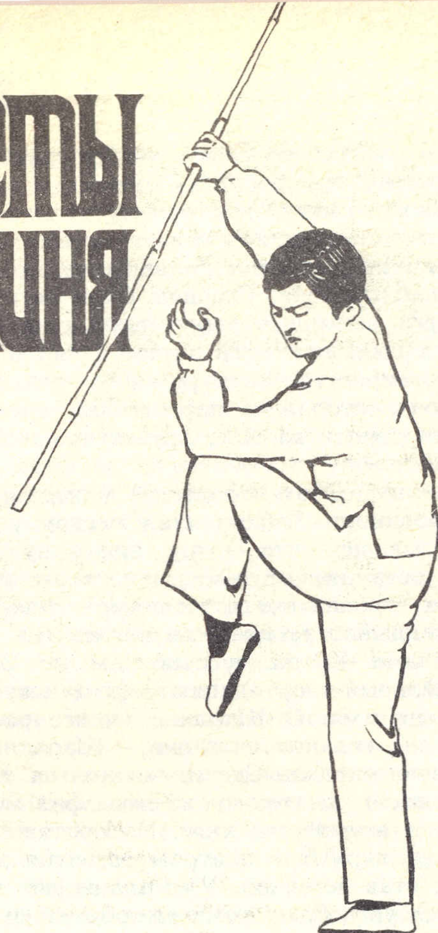
Интерес к восточным боевым искусствам в нашей стране был велик всегда, а в последние годы популярность их возросла еще больше. К сожалению, не все четко представляют себе, что же такое боевые искусства.

Часто мнения складываются из слухов, небылиц, которых ходит более чем достаточно, и просто неточной информации. Что же, сведений о восточных единоборствах у нас действительно нет, если не считать ксерокопий изданной на Западе литературы и видеофильмов, не дающих полной картины и наводящих на мысль о том, что боевые искусства сводятся к умению ловко махать руками и ногами. К тому же часто в учебниках и пособиях расходятся даты и цифры, разнятся названия и имена, что еще больше запутывает и без того неясную, расплывчатую картину.

Данная книга не претендует на уникальность, полноту освещения темы и первичность, оригинальность. Приводимые в ней фактические данные взяты из наиболее авторитетных зарубежных источников и бесед с известными советскими мастерами. А главная ее задача — составить у читателей представление о феномене боевых искусств. Ну а насколько это удалось — судить уже вам...

Секреты Шаолиня

...Увидев на дороге одинокого монаха, разбойники оживились. Вот уже много лет бритоголовые служители Будды, собирающие по городам и селам подаяние, становились их добычей, притом легкой: ленивые и изнеженные, монахи не могли сопротивляться, пугались одного вида оружия, а если и пытались постоять за себя, то с ними разделывались в два счета — это было не сложнее, чем прихлопнуть муху.

Но этот монах при виде выскочивших из кустов вооруженных людей явно не испугался. Положив у ног дорожную котомку, в которой, судя по звуку, были немалые деньги, он без волнения и страха повернулся к приближавшимся к нему с явно недобрыми намерениями мрачным личностям. И тут произошло нечто неожиданное — пер-

вый из них, взмахнув мечом, чтобы проучить строптивца, вдруг с диким криком боли отлетел в сторону. Его товарищи, крепко сжимавшие в руках кто меч, кто нож, кто дубинку, сгрудились вокруг монаха, и поднявшаяся дорожная пыль скрыла столпившихся людей от глаз стороннего наблюдателя. Слышны были звуки ударов и стоны, а через несколько минут наступила полная тишина.

Когда пыль осела, на дороге стоял один монах, озирающий распростертые вокруг него тела. Подхватив свой мешок, он, осторожно переступив через лежащих, не спеша отправился дальше, предвкушая встречу с родным Шаолинем...

Шаолинь... Этот небольшой монастырь, расположенный в провинции Хэнань, стал местом рождения китайских боевых искусств — ушу, или у-шу (дословный перевод — «останови оружие», или «останови агрессию»), известных также под названиями кунг-фу, или гун-фу («совершенный мастер» — название это распространено за пределами Китая, в основном на Западе), куо-шу («национальный спорт»), цюань-фа («искусство кулачного боя») и другими. О Шаолине (менее распространенное, но более правильное название — Шаолинь-су, или Шаолинь-сы, по-японски Сюрин — «храм в лесу», или «маленький лес») снято множество фильмов и написано не меньшее количество книг. На протяжении нескольких веков монастырь был центром развития и распространения ушу, став легендой. Уже много лет никто в нем не занимается ушу, более того, его обитатели даже не знакомы с боевыми искусствами, но древние камни хранят память о том, как это было...

В середине VI века н. э. в Китае появился странный, абсолютно непохожий на китайца человек с густой бородой, сразу же получивший прозвище «Бородатый варвар». Человек этот, по имени Бодхидхарма, бывший индийским миссионером, 26-м патриархом ортодоксального буддизма, стал основателем секты чэнь (по-японски — дзэн). Прибыв в Китай для проповедования учения Будды в собственной интерпретации, Бодхидхарма, чье имя в переводе означало «Просветленный разум», поссорился с правителем царства Вэй и удалился в небольшой монастырь Шаолинь. По легенде, попав в монастырь, он первым делом уселся перед белой стеной и просидел так 9 лет, предаваясь размышлениям и самосозерцанию.

Суть учения Бодхидхармы, ставшего причиной его

конфликта с местным правителем, заключалась в том, что в отличие от ортодоксального буддизма, проповедовавшего сострадание и спасение, чэнь-буддизм стал религией, призывавшей к самосовершенствованию, размышлениям, самосозерцанию с целью познания истины, укрепления тела и духа.

Он стал проповедовать новое учение обитателям Шаолиня. И на первых же занятиях заметил, что его ученики слабы духом и телом и засыпают прямо во время проповедей. К тому же на монастыри и монахов часто нападали разбойники и грабители. И Бодхидхарма решил дать монахам систему психофизических упражнений под названием «18 движений рук архатов» (архат — полубог в буддийском пантеоне). Они навсегда остались в ушу и являются базовыми практически во всех школах.

Будучи сыном знатного раджи, Бодхидхарма в молодости изучал боевые искусства, развивавшиеся в Индии с незапамятных времен. По преданиям, сам Сиддхартха Гаутама, ставший впоследствии Буддой, был искусен в рукопашном бою, чем покорил сердце принцессы Ясудары. Так что различные виды невооруженного поединка получили в стране широкое распространение, причем определенное влияние на них оказал греческий панкратион — кулачный бой с бросками, подножками и захватами, попавший в Индию вместе с войском Александра Македонского. Особенно популярна была борьба ваджрамушти, которой и владел Бодхидхарма.

Собственно говоря, различные разновидности рукопашного боя существовали в Китае еще до его появления. Так, в летописях, датируемых серединой третьего тысячелетия до нашей эры, сохранились упоминания о борьбе го-ти, начало которой положила легендарная битва в 2674 году до н. э. между «Желтым Правителем» Хуанди и рогатым чудовищем Ци-Ю. Бой этот длился несколько дней, и в конце концов Хуанди схватил чудовище за рога и свернул ему шею.

Суть го-ти состояла в том, что участники поединка в увенчанных острыми крепкими рогами шлемах старались проткнуть ими соперника или, ухватив его за рога, свалить на землю. Позднее на смену рогатым шлемам пришли толстые куски кожи, сделавшие го-ти менее кровавым состязанием. Интересно, что в ряде китайских провинций го-ти сохранилась до сих пор в форме танца. А в летописях, относящихся к I веку н. э., есть упомина-

 2—3290

ние об «искусстве длинной руки», приписываемом некоему князю Куок И, но в чем заключалось это искусство, неизвестно. Зато система, разработанная гениальным медиком Хуа-то (II—III в. н. э.), внесшим огромный вклад в развитие единоборств и медицины, дошла до наших дней.

Придворный лекарь Хуа-то, внимательно изучавший повадки и движения различных животных, создал гимнастику «пяти зверей», основанную на подражании птице, медведю, тигру, оленю и обезьяне, причем гимнастика эта могла быть использована как в лечебных, так и в боевых целях. К сожалению, сохранилась лишь ничтожно малая часть наследия Хуа-то — по ложному доносу он был казнен, и его труды растворились в истории.

Существовали также единоборства чиао-ти-шу, сянпу и другие, но тем не менее именно Бодхидхарма считается создателем ушу — видимо, потому что со временем его «18 движений рук архатов», то есть 18 простейших комбинаций «блок-удар», были преобразованы в целую систему, насчитывающую многие тысячи комбинаций различной сложности.

Не совсем понятно, почему Бодхидхарма, отлично разбиравшийся в единоборствах, дал своим ученикам столь малое количество комбинаций — возможно, потому что 18 считается священным для буддиста числом, а может и оттого, что боялся давать не подготовленным психологически людям более мощное оружие. Но поначалу и этого хватало. Разбойники стали обходить монахов и монастыри стороной, а служители Будды почувствовали вкус к занятиям.

Вскоре в Шаолинь потянулись монахи из других обителей, так как слава Шаолиня гремела по всей Поднебесной. Правда, после серии крестьянских восстаний, охвативших страну в начале IX века, в 845 году вышел антибуддийский указ, и большое количество монастырей было разрушено за то, что монахи поддерживали восставших. Та же участь постигла и Шаолинь, но вскоре он был отстроен заново, и все вернулось на круги своя. Даже на качественно новый круг — монахи на базе упражнений Бодхидхармы создали сначала 72, а потом 170 элементов. Появились стили, основанные на подражании движениям животных — «Тигр» (мощные силовые удары), «Леопард» (прыгучесть и ловкость), «Змея» (плавные, гибкие, мягкие движения), «Журавль» (широкие размашистые движения) и «Дракон» (в нем соединились

элементы всех этих стилей). А главное — в Шаолине была создана уникальнейшая система подготовки бойцов, равной которой не было.

Человеку-мирянину было нелегко стать учеником монастырской школы боевых искусств — надо было сначала доказать свою искренность, преданность, доказать, что ты достоин столь высокой чести, только тогда вход в монастырь открывался. Но не менее труден был выход. Обитатели Шаолиня набирали в группы монахов-воинов крестьянских детей, и ворота за ними захлопывались на 15—20 лет, а то и навсегда. Выйти из монастыря они могли, только став мастерами. Но курс обучения проходили далеко не все — одни умирали, другие погибали, третьи сходили с ума: изнурительные молитвы сменялись не менее изнурительными хозяйственными работами, а тренировки проводились так, что выдержать их было под силу разве что супермену.

Ученики отрабатывали удары на камнях и кусках дерева, так что «ударные» части тела через несколько лет становились крепче железа, выполняли упражнения на подвешенных в воздухе бревнах (по мере роста мастерства бревно становилось все тоньше и поднималось все выше — на высоту до 10 метров), проводили жесткие поединки, пробегали огромные расстояния по пересеченной местности. Были разработаны тренажеры и тесты, способствовавшие более эффективной проверке навыков — например, один партнер кидал в другого мелкие камешки, а тот должен был отбивать их ударами рук и ног. В качестве манекенов использовались распиленные стволы деревьев, с которых не срубали ветки; чурбак мог фиксироваться, и обучаемый вынужден был «проходить» к стволу сквозь ветки, а мог свободно вращаться, «отвечая» ударами на удар.

Будущих бойцов обучали и работе с оружием, используя в этом качестве те 18 предметов, которые обычно имел при себе странствующий монах,— нож, посох, плащ, веер, миску и т. д. Опытный боец мог при помощи плаща не только отразить нападение одного или нескольких вооруженных мечами человек, но и победить их. А уж если брал в руки посох, то лучше было сразу просить пощады — им воспитанники Шаолиня владели настолько виртуозно, что он летал в их руках, а его страшные удары были неотразимы и смертельны. Известен случай, когда 40 шаолиньских монахов, вооруженных лишь окованными

железом посохами, обратили в бегство крупный отряд вторгшихся на китайскую территорию японцев.

Тех, кто прошел курс, ждал суровый экзамен, в который входили сдача теории и истории боевых искусств, а также их философии и прохождение по подземному лабиринту, оснащенному хитроумными манекенами и ловушками — они приводились в действие, когда испытуемый наступал на ту или иную плиту, которыми был вымощен пол. В любую секунду он мог получить отовсюду смертельный удар, и уцелеть мог лишь тот, кто в полной темноте каким-то шестым чувством улавливал удар и уходил от него либо парировал его. Но, по преданию, удавалось это одному из десяти. Зато, по тому же преданию, тот один мог выходить против ста и против тысячи врагов — он становился супермастером, сверхчеловеком, победить которого было практически невозможно.

Монахи Шаолиня всячески поддерживали народные восстания — известно, что его представители сыграли важную роль в восстании «красных повязок» в XIV веке, которое привело к свержению монгольского владычества в Китае. Активное участие приняли шаолиньские монахи и в борьбе с маньчжурской династией Цин, захватившей престол в XVII веке. Неизвестно точно, сколько маньчжуров полегло под Шаолинем, но надо думать, что раз в 20 больше, чем защитников монастыря. Монахи были практически безоружны и не могли противостоять механизмам, использовавшимся при штурме, и проявили себя лишь в рукопашной схватке. На стороне прекрасно вооруженных маньчжуров было и огромное численное превосходство, так что после упорного боя Шаолинь пал, а уцелевшие монахи ушли на юг и создали там новый монастырь, получивший название Чжао-линь (по-японски Сюрей — «новая душа», или «просветленный дух»). Уже там были созданы популярные ныне стили Хан Гар, Ли Гар, Чой Гар, Мо Гар, Лю Гар, названные так скорее всего по именам создателей.

Но шаолиньское искусство — Шаолинь-су цюань-фа («искусство кулачного боя монастыря Шаолинь»), известное во всем мире как Сюриндзи кемпо (дословный перевод на японский), не исчезло. Более того, сегодня оно является одним из наиболее распространенных направлений боевых искусств.

С IX века, с момента первого разрушения Шаолиня, когда монахи разбрелись по стране, передавая свое уме-

ние людям, предоставлявшим им пищу и кров, воинские искусства стали развиваться за пределами монастырей. Занимался ими как простой люд, так и знать, военные. Большой вклад в развитие ушу внесли выпускники шаолиньской школы генералы Чжао Куанинь, Юэ Фэй и другие. А одно время ушу даже входило в программу императорских экзаменов — любой претендент на государственный пост обязан был продемонстрировать владение техникой рукопашного поединка. Понятно, что знание это было обязательно и для того, кто хотел стать офицером.

Естественно, серьезные мастера — а все они вышли из Шаолинь-су цюань-фа — создавали свои стили и направления, которые в первую очередь различались по географическому признаку. У южан, искони занимавшихся выращиванием риса, были лучше развиты мышцы плечевого пояса и верхние конечности, так что в бою они предпочитали удары и блоки руками, а северяне, которым приходилось много передвигаться пешком или верхом, обладали сильно развитыми нижними конечностями и в поединке применяли подкаты, подсечки, зацепы, блоки и удары ногами.

Возникали и подражательные стили — пять уже упомянутых «звериных» стилей Шаолиня, а также стили «Богомол», «Цапля», «Обезьяна», «Орел» и другие. Появились смешанные стили — «Тигр и Дракон», «Тигр и Журавль», «Змея и Птица», способствовавшие выработке более совершенной техники боя.

О рождении стиля «Змея и птица» одна из легенд гласит следующее. Однажды монах-даос Чжан Саньфэн, живший в XII веке, стал свидетелем битвы журавля со змеей. В китайской философии эти два живых существа олицетворяют добро и зло, и поэтому он наблюдал за схваткой с особым интересом, хотя и знал, что победителя в ней не будет — добро и зло обречены на вечное сосуществование.

Так и получилось. Журавль все время пытался нанести смертельный удар острым крепким клювом, но змея ускользала и уворачивалась, а когда переходила в атаку, птица отбивалась взмахами огромных крыльев или просто подлетала вверх. И бой завершился тем, что вконец измотанные соперники просто-напросто его прекратили — птица взлетела на ближайшее дерево, а змея ускользнула в густую траву.

Когда схватка закончилась, Чжан Саньфэн вдруг

осознал, что она натолкнула его на открытие. Соединив качества соперников, эти вечные противоположности (с одной стороны — мягкость, изворотливость, плавность, ловкость змеи, с другой — открытость, напористость, прямота птицы), он создал новый стиль, в котором тренировка тела стала играть второстепенную роль, а на первое место вышла тренировка управления своей жизненной энергией «ци» (по-японски — «ки»). Духовное начало здесь доминировало над физическим, и чисто силовые упражнения рассматривались как бесполезные и бессмысленные, а основными положениями стратегии стали следующие: прежде движения — спокойствие, прежде приложения силы — мягкость и расслабленность, прежде быстроты действий — неторопливость. В основу стиля лег так называемый принцип недеяния, у-вэй, проповедуемый даосами, так что тактика боя стала следующей: уступая в поединке силе соперника, не сопротивляясь, входить с ним в контакт и, следуя за его движением, нейтрализовать эту силу и обратить вспять (против него самого или в пустоту). Чжан Саньфэн считал — и не ошибся,— что, увязая в податливости, сила нападающего исчерпается и достаточно будет небольшого усилия, чтобы повергнуть его. Он также включил в тактику боя использование ошибок противника и плавный переход от атаки к обороне, подсмотренный им в схватке змеи и птицы. Фактически стиль, разработанный им, положил начало разделению стилей на жесткие и мягкие.

Впоследствии на принципах Чжан Саньфэна были основаны внутренние стили, или нэй-шья, которых в ушу всего три. Это Тайцзицюань, или «Бокс высокого духа»,— мягкая, плавная система, имевшая когда-то прикладное значение, а ныне культивируемая как оздоровительная гимнастика, Па-куа (или Багуацюань), или «Ладонь восьми триграмм»,— стиль этот основан на том, что мастер движется вокруг противника, избегая его прямых атак, а потом, усыпив его внимание, внезапно атакует сам мощными ударами ладоней. И Син-и, или «Направленная воля»,— стиль, наиболее близкий к внешним стилям по жесткости работы и основанный на философской теории У-Син, теории «пяти первоэлементов».

Согласно этой теории, все живое и неживое состоит из пяти первоэлементов — дерева, воды, земли, огня, металла, причем эти первоэлементы находятся в двойной связи — они могут порождать и уничтожать друг друга.

В Син-и каждому первоэлементу соответствует определенный орган и прием — так, дерево соответствует печени и прямому удару кулаком в средний уровень, вода соответствует почкам и удару снизу и т. д. Есть пять основных стоек, каждая из которых также соотносится с тем или иным первоэлементом. То же касается и тактики — есть стили огня, воды и т. д., и если человек работает в стиле огня, то его тушат водой, воду засыпают землей, дерево рубят металлом и тому подобное.

Разница между нэй-шья и вэй-шья (внешними стилями, которых насчитывается более 300) заключается в том, что во внешних — человек шлифует себя через технику, то есть сначала работает над техникой, а потом переходит к совершенствованию нравственных и духовных качеств, а во внутренних — наоборот. То есть, прежде чем освоить технические приемы, человек начинает со шлифовки собственных качеств, с достижения внутреннего совершенства и лишь потом приобщается к технике.

Но, как считается, любой стиль — будь то внутренний или внешний — защищен от тех, кто стремится к овладению мастерством для достижения неправедных целей. Во внешних стилях такой человек освоит лишь технику, которая без внутренней работы мало что значит, а во внутренних стилях шлифовка собственных качеств либо изменит его, либо заставит отказаться от первоначального замысла.

Ушу тесно связано со многими философскими теориями, а не только с У-Син. Например, с теорией Инь и Ян, олицетворяющими силы зла и добра. Они пересекаются и дополняют друг друга, и таким образом создается гармония и полная симметрия Вселенной.

В применении к боевым искусствам Инь и Ян проявляют себя в различных принципах движений: Инь — это мягкая внутренняя работа, Ян — жесткая внешняя. Сочетание же их, как, например, в школе «Змея и Птица», то есть постоянный переход от твердости к мягкости и обратно, создает гибкость, приспособленность, дает бойцу возможность гармонично действовать в любой ситуации.

Не менее тесная связь существует между боевыми искусствами и понятием «ци» — внутренней энергией. Именно благодаря контролю за циркуляцией этой энергии, умению активизировать ее и обеспечивать ее концентрацию в нужное время в нужном месте мастера различных боевых искусств, будь то ушу, каратэ-до, таэквон-

до и т. д., творят настоящие чудеса — бегают по песку, не оставляя следов, ударом ноги или руки крушат кирпичи или раскалывают толстенные доски, умерщвляют наложением рук, увеличивают свой вес, не чувствуют боли при ударах и многое другое. Но все же более всего такая энергетическая работа характерна для ушу. Во многих школах даже существуют специальные упражнения, направленные на получение энергии от определенных источников, например от звезд.

Самым непосредственным образом ушу связано и с медициной. Мастер ушу является как великим убийцей, так и великим врачевателем — зная наиболее активные точки на теле человека, он может как «отключить» его одним движением, так и вылечить. В древности даже существовало такое искусство, как Тянь-Хсю, или Дим Мак,— «искусство отсроченной смерти, или искусство двадцати одной уязвимой точки». Человек, владевший им, мог легким прикосновением навсегда успокоить нападавшего или сделать так, чтобы он умер через некоторое время.

Известный западный популяризатор ушу Гилби в одной из своих книг рассказывал о встрече с мастером такого искусства. Чтобы продемонстрировать его, тот посадил на корабль, на котором отплывал Гилби, собственного сына и перед отплытием, слегка коснувшись его пальцем, отозвал Гилби в сторону и предупредил, что через несколько дней ровно во столько-то часов его сын окажется при смерти и надо будет дать ему особое лекарство, которое его спасет. Излишне говорить, что все это полностью подтвердилось.

Более того, мастера этого искусства отлично знали точное время активизации точек, и даже была такая пословица: «Прежде чем ударить, посмотри на Солнце». Возможно, что такое искусство существует и сегодня, но с точностью утверждать это нельзя, а вообще, воздействие на точки входит в арсенал многих восточных единоборств.

Понятно, что на Чжан Саньфэне история ушу не закончилась. Наоборот, оно продолжало активно развиваться. Подъемы в нем, правда, чередовались со спадами, но развитие шло постоянно — в основном за счет так называемых семейных школ, в которых искусство передавалось от отца к сыну. Именно это и помогло ему выжить после того, как во время культурной революции ушу было запрещено, а мастера подвергались гонению, и многие из них эмигрировали. Процесс возрождения ушу

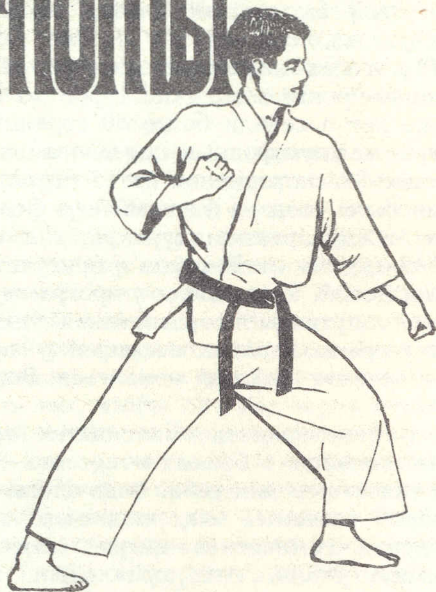
был нелегким, и, если бы не народные мастера, неизвестно, чем бы он закончился. К счастью, все обошлось благополучно, были даже созданы Всекитайская академия ушу, факультеты ушу при университетах, а на основе старых стилей стали разрабатываться новые. Но восстановить удалось, конечно же, не все.

В 60—70-х годах китайские мастера отправились в демонстрационно-пропагандистские турне по континентам и за несколько лет посетили более 50 стран. В 1985 году прошли первые международные соревнования, в которых приняли участие 88 спортсменов из 15 стран, и в том же году в Италии была создана Европейская федерация ушу, а на втором международном турнире, год спустя, собралось уже 145 человек из 20 стран и присутствовало множество наблюдателей. Ушу вошло в программу Азиады-90 (региональные спортивные соревнования типа Олимпийских игр) и уверенно идет к всемирному признанию — в ближайшие год-два должна появиться Всемирная федерация ушу.

Такая его популярность объясняется прежде всего уникальностью китайских боевых искусств — каждый может найти в них что-то для себя. Ведь здесь есть и чисто оздоровительные системы, как, например, тайцзицюань, есть дыхательная гимнастика цигун, есть спортивные, соревновательные стили, есть прикладное направление, есть китайский вариант джиу-джитсу — тайцзытуйшоу, есть китайский вариант айкидо — ченна («система 72 захватов рук»). Ну а чтобы определиться, надо, понятное дело, сначала попробовать разобраться в том, что такое ушу. Ведь заплутать в китайских боевых искусствах — сложных, загадочных, тесно взаимосвязанных, бесчисленных и бесконечных — легко, так же легко, как и в легендарном лабиринте Шаолиня. Правда, без риска — здесь всегда открыт не только вход, но и выход...

ИСКУССТВО ПУСТОТЫ

...Когда-то в одной из японских провинций жил молодой мастер фехтования на мечах — «кэндо», что в переводе означает «путь меча» и является таким же боевым искусством, как и ушу. Он победил многих известных фехтовальщиков, и в один прекрасный день его учитель, поняв, что больше ничего не может дать своему воспитаннику, посоветовал юноше пойти в ученики к знаменитейшему мастеру Миамото Мусаси.

Ученик с радостью отправился в путь. С нетерпением ожидал он встречи с легендарным Миамото, надеясь на комплименты и похвалы в свой адрес. Но прием оказался неожиданно холодным. Новый учитель молча протянул ему меч и отправил во двор рубить дрова.

Так прошел год. Терпение молодого фехтовальщика подошло к концу, и, не выдержав, он набрался храб-

рости и подошел к Мусаси: «Мастер, когда же вы будете учить меня кэндо?»

Мусаси с деланным удивлением посмотрел на него: «А, это ты... Ну, пойдем...» И, приведя его в зал, заставил ходить по узкой кромке татами.

Так прошел еще год. И вконец отчаявшийся молодой человек снова обратил на себя внимание учителя. И снова Мусаси сделал вид, что позабыл о нем. Но на этот раз сказал: «Собирайся. Завтра пойдем в горы, и я научу тебя кэндо...»

Они долго карабкались вверх по камням и наконец присели передохнуть на краю расселины. «Принеси воды»,— попросил Мусаси, указывая на текущий на другой стороне расселины ручей. Ученик подошел к краю, ступил на перекинутое через пропасть бревно, но, когда взглянул вниз, у него закружилась голова, и он через силу вымолвил: «Я боюсь...»

«Боишься? — переспросил Мусаси.— Ну что ж, тогда послушай меня. Главный принцип всех боевых искусств кроется в одной формуле: «син — вадза — тай» (разум — техника — тело). Когда встречаются развитое тело и развитая техника, побеждает развитая техника, а когда встречаются развитая техника и развитой разум, то побеждает разум. Так вот, когда ты пришел ко мне, ты уже был большим мастером, но у тебя был недостаточно мощный удар, тебе не хватало силы — это я определил с первого взгляда, и поэтому целый год ты рубил тонким мечом толстые дрова. Потом я увидел, что у тебя есть ошибки в технике передвижения, и ты год ходил по узкой кромке. А сейчас не можешь пройти по бревну...»

Ученик молнией метнулся на ту сторону и обратно. И — постиг кэндо...

Эта легенда — одна из многих, которыми так богаты боевые искусства, и она полностью раскрывает их суть: главное в них — не физическая сила, не умение наносить удары и защищаться, а дух, разум. Все это в полной мере относится к самому распространенному в мире воинскому искусству каратэ-до, которое переводится как «путь пустой руки»...

Воинские искусства в Японии имеют, пожалуй, не менее древнюю историю, чем в Китае. Известны такие виды, как кумиучи, когусоку, тегики, тендори, косино мавари, явара, торите, хакуда, вадзютсу, субаку, яридзюцу (фехтование на копьях), йобадзюцу (скачки на лошадях,

искусство ведения поединка на лошади), тантодзюцу (метание ножей), тахи ойоги (плавание в полной воинской экипировке), ниндзюцу. Более двух тысяч лет назад появилась борьба сумо, которая культивируется сегодня так же, как и бодзюцу (фехтование на палках), кьюдо (стрельба из лука), кэндо и другие. Но по популярности, по количеству занимающихся первое место занимает каратэ-до — искусство, которое, как это ни парадоксально, родилось не в Японии.

Родиной каратэ-до стал архипелаг Рюкю, а точнее — его главный остров Окинава, который установил экономические связи с Китаем раньше, чем с Японией. Остров был самостоятельным и независимым, но постоянно подвергался нападениям китайских и японских пиратов, а иногда и регулярных войск и, в конце концов, вынужден был выплачивать дань обоим грозным соседям.

Но влияние Китая было сильнее, тем более что на острове была целая колония переселенцев из Поднебесной, которые, по-видимому, и познакомили жителей острова со своими боевыми искусствами. Некоторые окинавцы даже стали ездить в китайские монастыри, в том числе и в Шаолинь, «на стажировку» и, вернувшись, положили начало развитию на острове Шаолинь-су цюань-фа, а позднее и ряду других стилей и направлений. Такая тяга к боевым искусствам у окинавцев объяснялась тем, что на острове постоянно шли вооруженные столкновения между правителями разобщенных районов, а простому люду иметь оружие было запрещено. Первый такой запрет был провозглашен еще в XV веке князем Сё Хайси, подчинившим себе весь остров, а позднее и архипелаг.

С приходом к власти Сё Хайси на Рюкю стала процветать религия миролюбия — буддизм, что привело к упадку обороноспособности, и в самом начале XVII века, в 1609 году, архипелаг был без особого труда захвачен войсками японского князя Симадзу из клана Сатсума. Окинавская армия была распущена, а все оружие конфисковано в результате «катана кари» — «охоты за мечами», объявленной японцами. Ни один житель под страхом мучительной казни не мог иметь оружия, было запрещено изготовление даже церемониальных мечей, в деревнях единственные топор и нож приковывали на цепь и выставляли для охраны нескольких вооруженных солдат.

По отношению к местному населению оккупанты вели себя не очень корректно, и число недовольных ими рав-

нялось числу жителей Рюкю. Назревало восстание, и мастера рукопашного боя начали в срочном порядке обучать горожан и крестьян (преимущественно последних) своему умению. К тому времени искусство борьбы на Окинаве было уже достаточно развито, и в XVI веке сложились три основных направления — сюри-тэ, в основе которого лежала шаолиньская школа, наха-тэ, созданная на базе южнокитайских стилей, и томари-тэ, представлявшая собой комбинацию двух первых направлений (слово «тэ» в переводе с японского означает «рука»).

Мастеров высокого уровня на Окинаве было не так уж много, а задача стояла серьезнейшая и труднейшая — за минимальный срок подготовить максимальное количество умелых бойцов. Именно это и определило своеобразие «окинава-тэ» — искусства «окинавской руки», которое иногда называли «школой в зарослях». Впрочем, называть его искусством было бы не совсем верно — больше всего в окинава-тэ ценилась хорошая техника, а о философии, самосовершенствовании, самопознании речь не шла — не до того было. Естественно, для выполнения такой задачи из китайской техники были отобраны наиболее эффективные приемы боя, которые стали базовой техникой окинава-тэ. Тренировки проводились в основном по ночам, в горах и лесах, но крестьяне могли самостоятельно тренироваться и днем — например, «набивать» ударные части рук и ног. И доводили их до такого состояния, что ударом кулака или ноги убивали облаченного в доспехи самурая, разваливали его шлем или панцирь, а уж об ударах в незащищенные части тела и говорить было нечего. Естественно, они учились действовать не только против невооруженного соперника (застать самурая врасплох, без оружия, было нелегко, хотя и в этом случае он был опасным противником — техника джиу-джитсу давала ему преимущества, и немалые, в рукопашном бою с обычным бойцом, но не с мастером «школы в зарослях» — борцовские приемы джиу-джитсу оказывались бессильны против ударной техники окинава-тэ), но и против вооруженного — они легко уходили от ударов меча, а их ответные удары были не менее смертоносными. В современном каратэ-до сохранились формальные упражнения (ката), в которых выполняющий их демонстрирует бой против одного или нескольких человек с мечами.

Кстати, в бою восставшие применяли не только кулаки

и ноги. Грозным оружием в их руках стали сельскохозяйственные орудия — кама (серпы), нунчаку, использовавшиеся для обмолота риса, саи, которыми взрыхляли почву, другие подручные средства — бо (шесты), джо (посохи). Упражнения с этим традиционным оружием окинава-тэ и сегодня изучаются в каратэ-до.

С разгромом восстаний — а на это у самураев ушло порядка ста лет — окинава-тэ не исчезло, оно продолжало развиваться, обогащаться новыми приемами — как собственного изобретения, так и китайскими и японскими, заимствованными из джиу-джитсу. Некоторые мастера продолжали ездить за знаниями в Китай, приезжали на Окинаву и китайские мастера — так, в середине XVIII века здесь побывал китаец Кушанку, который познакомил желающих со своим стилем. В честь его названо одно из ката.

Постепенно занимающихся окинава-тэ становилось все меньше, особенно когда оно полностью утратило прикладное значение, но, даже лишившись широкой популярности, школа все равно продолжала совершенствоваться.

В конце XIX века Окинава официально была признана японской провинцией, и ее жители призывались в армию так же, как и японцы. На призывных пунктах стали замечать, что окинавцы, занимавшиеся рукопашным боем (хотя было их не так уж много), выгодно отличаются от остальных призывников атлетическим сложением и пропорционально развитой мускулатурой. И в 1902 году министерство образования Японии приняло решение о включении окинава-тэ в школьную программу как универсального средства физического воспитания. Так началось знакомство японцев с окинава-тэ — ведь до этого лишь единицы были знакомы с ним, например несколько морских офицеров, которые, находясь на Окинаве, могли понаблюдать за тренировками.

В то время одним из известнейших мастеров был школьный учитель Гитин Фунакоси, родившийся в 1869 году в городе Сюри. Фунакоси был человеком незаурядным, очень образованным, не чуждым литературного труда, но основное внимание уделял рукопашному бою. Именно по его инициативе группа мастеров на протяжении нескольких лет ездила по Окинаве с показательными выступлениями, в результате чего было создано множество школ. В 1917 году Фунакоси был приглашен для показательных выступлений в Бутоку — Всеяпонский центр боевых искусств, находившийся в Киото. А четыре года

спустя, когда Окинаву посетил наследник престола Хирохито, в родном городе Фунакоси Сюри ему был устроен прием, в ходе которого состоялись показательные выступления. Наследник отнесся к ним весьма одобрительно.

Но пока это были отдельные выступления. Но вот по инициативе министерства образования в 1921 году в Токио был организован фестиваль боевых искусств, на который был приглашен и Фунакоси, выступивший там в присутствии императорской семьи, военных и спортивных деятелей, в том числе профессора Дзигоро Кано, создателя дзюдо. Он предложил Фунакоси устроить выступления в своем центре дзюдо Кодокан.

После этого японское общество начало всерьез интересоваться окинава-тэ. Фунакоси получил предложение написать несколько работ по истории и методике своего искусства, что он и сделал, и его первая книга была прочитана самим императором. По многочисленным просьбам он основал группы и секции в университетах, компаниях, торговых центрах, в чем ему помогали многие окинавские мастера, переселившиеся в Японию. Так началось победное шествие окинава-тэ по японской империи. А вскоре, примерно в 1930 году, термин окинава-тэ был заменен на каратэ-дзюцу, или «искусство китайской руки» (иероглиф «кара» использовался для обозначения Китая и всего китайского).

В 1936 году, когда на Окинаве встретились представители нескольких стилей каратэ-дзюцу, они приняли решение заменить иероглиф «кара», обозначающий «китайский», на такой же иероглиф, только обозначающий «пустой» (в некоторых источниках указывается, что это была вынужденная мера, так как в то время отношения между Японией и Китаем были довольно напряженными, и в стране господствовала нелюбовь ко всему китайскому). Тогда же слово «дзюцу» было заменено на слово «до» («путь») — тем самым Фунакоси, по чьей инициативе это было сделано, подчеркнул, что это не просто техника, а именно искусство, направленное, как и другие дзэнские искусства, на всестороннее совершенствование человека.

Слово «пустой» имело как минимум пять значений: невооруженный; бесконечный, так как любое искусство не имеет границ и не имеет конца; свободный от предвзятых мыслей; чистый, незапятнанный, обладающий высокой моралью и нравственностью; совершенный (по буддизму пустота — сущность вселенной, «пустота — это фор-

ма, а форма — это пустота», «только пустая долина отражает звук» и т. д.).

В том же 1936 году Фунакоси открыл свою школу, свой центр, получивший название Сётокан (Сёето — литературный псевдоним Фунакоси), где стал преподавать стиль, названный по имени школы (или наоборот — школа была названа по имени стиля).

К тому времени окинавские мастера создали уже несколько стилей каратэ-до, основными из которых стали Сётокан, Сито-рю, Годзю-рю и Вадо-рю. Отличия их состояли в следующем.

Стиль Сётокан был пригоден в основном для ближнего боя. В нем преобладают движения руками и глубокие, низкие стойки, которые лишают занимающегося возможности маневрировать. В бою ставка делалась на одно движение — мастер выжидал, пока соперник ошибется или раскроется, и, дождавшись, проводил удар, после которого бой кончался, так как удар наносился в жизненно важный орган, а будучи нанесенным из низкой стойки, он обладал особой силой. Впоследствии сын Фунакоси Йоситака еще при жизни отца внес в стиль большое количество ударов ногами и блоков, но это лишь обогатило его технический арсенал, не повлияв на тактику.

Сегодня Сётокан — самый классический из всех существующих стилей и в чистом виде в поединке вряд ли может быть успешно использован, так как в нем слишком много красивых, правильных, но не эффективных в бою движений. Но во времена Фунакоси он был, конечно же, эффективен. Кстати, Фунакоси учил своих учеников быть в любой момент готовыми к отражению атаки — сидя, лежа, во время еды и т. д.

Стиль Сито-рю был создан в середине 30-х годов другом Фунакоси Кенва Мабуни (1893—1957), который назвал свой стиль по начальным иероглифам имен своих учителей — Итосу и Хигаонна. Стиль этот представлял собой нечто среднее между окинавскими стилями и Сётоканом, отличался жесткостью, большой мощью, резкостью и предельной концентрацией движений.

Стиль Годзю-рю (в переводе — «сила и мягкость») был основан мастером Тёдзюном Мияги (1888—1953), учеником Хигаонна. Будучи человеком физически очень сильным, Мияги в своем стиле сделал основной упор на силу, жесткость, даже жестокость. Его характерные черты — высокие стойки, медленные, «тяжелые» движения,

мощные проломные удары. Стиль этот не так красив, как Сётокан, но куда более эффективен.

Стиль Вадо-рю, или «путь мира» (создатель — Хиронори Оцука, 1892—1982, один из первых учеников Фунакоси), в отличие от предыдущих является стилем чисто японским, влияние китайской и окинавской техники в нем практически незаметно, тем более что ряд приемов заимствован из джиу-джитсу. Он менее жесткий, чем Годзю-рю и Сито-рю, и ставка в нем делается не на силу, а на ловкость. Вместо тяжелых ударов и прямолинейных действий он предлагает обманные движения, финты и уходы.

Свои основные черты эти стили сохранили до сегодняшнего дня, хотя и не могли за это время не измениться. Ведь каждый выдающийся мастер вносит в стиль что-то свое, трактует и преподает его по-своему (естественно, придерживаясь основного направления и классической базы), плюс свои изменения вносят национальные особенности каждой страны, где он развивается.

Четыре перечисленных стиля считаются в каратэ-до основными, хотя уже в 30-х годах в рамках этих стилей было более сорока разновидностей, а сейчас их гораздо больше. Но подняться до уровня этих четырех стилей и даже выше удалось лишь одному стилю — стилю Кёкусинкай, считающемуся наиболее популярным и в Японии, и в мире.

Стиль Кёкусинкай был создан мастером Масутатсу Оямой, родившимся в 1923 году в Корее. В конце 30-х годов его семья переехала в Японию и поселилась в Токио, и Масутатсу, изучавший на родине китайские стили, стал учеником Фунакоси и вскоре получил в его школе второй дан (дан — мастерская степень, которая присваивается одновременно с получением черного пояса. В большинстве боевых искусств различается десять мастерских степеней. Количество же ученических степеней, или кю, цвет поясов варьируются от искусства к искусству и от школы к школе. Только в ушу нет ни кю, ни данов, ни поясов). Во время службы в армии он продолжал упорно тренироваться, изучив за это время стиль Годзю-рю, а в 1947 году стал победителем первого в Японии турнира по каратэ-до.

В 1948 году Ояма ушел в затерянный в горах буддийский монастырь — причиной этого стало его разочарование в человеческой природе, а также драматические со-

3 -3290

бытия в его родной Корее. О том периоде его жизни сложено немало легенд — он тренировался там в одиночку, сражался с дикими зверями голыми руками, крушил скалы и рубил деревья. Жил он аскетично, деля время между тренировками и углубленным изучением дзэн-буддизма. Именно в монастыре у него родилась идея создать Кёкусинкай — жесткий контактный стиль с методикой подготовки, в которой большое внимание уделяется разбиванию предметов.

В 1951 году Ояма вернулся в большой мир и занялся пропагандой своего стиля, устраивая показательные выступления в Японии и за рубежом. Пропаганда была более чем впечатляющей — невысокий, мощный, буквально квадратный Ояма на глазах изумленной публики сокрушал доски, кирпичи, черепицы и даже такие предметы, которые по природе своей биться не должны. Он устроил бой с быком, отрубив ему рог ударом ребра ладони и убив 600-килограммовое животное кулаком (всего было 52 таких боя).

Слава его росла с поразительной быстротой, и не было страны — а он, кажется, умудрился объехать весь мир,— в которой бы его не встречали с уважением и восторгом. В конце 50-х — начале 60-х годов Ояма написал несколько книг, до сих пор пользующихся огромной популярностью, в том числе «Что такое каратэ?» и «Это каратэ».

...В 1957 году Фунакоси скончался. В Сюри ему был поставлен памятник, на котором высекли его слова: «Каратэ-до несовместимо с агрессией».

Фунакоси вошел в историю как человек, который открыл миру секреты каратэ-до. Но это не так — на самом деле он не хотел раскрывать их неяпонцам и взял из каратэ-до лишь наиболее распространенные элементы и дал их в том варианте, которым занимаются в Европе и США и по сей день. Что же представляет собой настоящее, подлинное каратэ-до, знают только немногие посвященные, но они, понятно, держат свои секреты при себе. И чем занимаются японцы, знают только сами японцы. И так обстоит дело со всеми боевыми искусствами...

Еще при жизни Фунакоси, в 1948 году, была создана Японская ассоциация каратэ-до. Но продолжала существовать масса различных организаций, беспрестанно соперничающих между собой, и объединились они лишь перед Играми-64 в Токио, чтобы провести показательные вы-

ступления в центре боевых искусств Бутокане в рамках Олимпиады. Так была образована Всеяпонская федерация организаций каратэ-до (ФАДжКО).

За рубеж каратэ-до попало еще в начале века — в 1920 году один окинавский мастер устраивал показательные выступления в Лос-Анджелесе. А широкомасштабное, массированное наступление этого искусства на Запад началось в 50-х годах, и уже в 1955 году во Франции была создана Федерация борьбы и вольного бокса, чуть позже возникли федерации в Англии и ФРГ, а затем и в других странах. В 1965 году во Франции был создан Европейский союз каратэ-до (ЕКУ), который объединил 15 стран. Президентом ЕКУ стал француз Жак Делькур, который и остается на этом посту до сих пор. А год спустя состоялось первое европейское первенство.

В 1965 году прошел первый Всеяпонский чемпионат по каратэ-до под эгидой ФАДжКО. А в 1970 году в Токио представители 33 национальных организаций каратэ-до провели совместный конгресс, на котором был создан Всемирный союз организаций каратэ-до (ВУКО), и по окончании его прошел первый чемпионат мира. Интересно, что ВУКО с самого начала признавал только четыре основных стиля и бесконтактные соревновательные поединки, где удары только обозначаются, а за контактное движение дают штрафные очки либо снимают с соревнований. Поэтому по стилю Кёкусинкай проводятся отдельные чемпионаты Европы и мира.

Здесь надо сказать, что бесконтактный поединок имеет большие минусы — травм в нем немного, но участники его вряд ли способны должным образом реагировать в реальной боевой ситуации, к тому же удары в этих поединках зачастую наносятся без силы и концентрации, то же можно сказать и о защитных действиях, так как главное здесь — просто обозначить движение.

Спарринг же контактный не только притупляет у спортсмена чувство боли, но и приближает соревновательные поединки к боевой ситуации, так как удары здесь наносятся хоть и не в полную силу, но все же всерьез, жестко и с концентрацией. Хотя в любом случае каратэ-до спортивное и прикладное — вещи абсолютно разные. Вообще, любое искусство включает в себя оздоровительный, спортивный и прикладной разделы, и знание лишь одного из них еще не дает знания искусства в целом.

Для стилей, не признаваемых ВУКО, проводятся со-

ревнования по олл-стайл каратэ, где можно выполнять любые ката и работать в контакт.

Основные принципы в каратэ-до те же, что и в других боевых искусствах. Первый — принцип недеяния — уже рассматривался в первой главе. Вторым принципом является «принцип бессознательного», когда боец должен полностью абстрагироваться от своего «я», отказаться от мыслей, желаний, избавиться от страха и неуверенности, и в результате сознание его становится чистым и незамутненным как зеркало, которое все отражает, но ничего не хранит. Только в этом случае он начинает воспринимать ситуацию непредвзято, отрешенно, целостно, не отделяя себя от противника, а рассматривая его и себя как единое целое. Действует он соответственно постоянно меняющейся ситуации, видит промахи и ошибки противника и молниеносно использует их. Причем все это происходит на уровне как бы подсознательном — боец не раздумывает, не размышляет, иначе он обязательно потерпит поражение. Если ему удается обрести такое состояние пустоты, то ему все равно, сколько перед ним соперников — он становится практически неуязвимым и непобедимым. И фактически бой с противником есть не что иное, как бой с самим собой, и победа рассматривается как победа над собственным «я».

Последним принципом является принцип упреждения. Он объединяет два первых принципа и сводится к тому, что между изменением ситуации и реакцией на это изменение нет временного промежутка — движение начинается одновременно с движением соперника или чуть раньше него и заканчивается, естественно, тоже раньше.

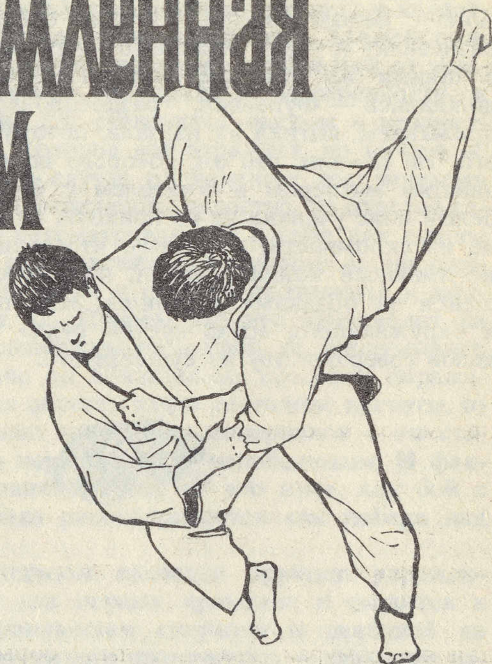
Одновременно с обучением технике в каратэ-до идет процесс нравственного воспитания. Заключается он в том, что в ходе занятий учитель-сэнсей рассказывает ученикам различные легенды с глубоким смыслом, наталкивает их на размышления и в конечном счете вырабатывает способность к неординарному мышлению, что делает человека не частичкой толпы, а личностью. Но это характерно только для серьезных школ, в которых изучается искусство, а не просто техника боя. В них процесс обучения не имеет конечной фазы и не завершается по овладении определенным объемом техники, а идет постоянно — искусство не имеет пределов и не имеет границ, и не случайно в обозначении его есть слово «путь».

...Чем дольше человек занимается каратэ-до, тем больше темнеет его пояс, из белого постепенно превращаясь в черный. А затем протирается до дыры, приобретая первоначальный цвет. А затем вновь темнеет. И так — без конца...

Однажды Гитин Функоси пришел на занятия в кимоно с белым поясом. Ученики бросились опрометью в раздевалку и через несколько минут появились на татами с такими же поясами, ожидая похвал учителя. Но не дождались — Фунакоси, раздосадованный слепым подражанием, выгнал их из зала, потому что они не поняли его. Не поняли, что он, которого по праву считали величайшим мастером и Учителем с большой буквы, надел белый пояс ученика не из прихоти, не из самоуничижения, не из скромности, а потому, что вышел на новый виток не имеющей конца спирали, на новую ступень скрывающейся за облаками лестницы. Ибо путь познания себя и окружающего, «путь пустой руки» бесконечен. И пределов совершенству не существует...

Ветка, не сломленная снегом

...Однажды создатель джиу-джитсу японский врач Акаяма Сиробеи не спеша прогуливался по своему заснеженному саду, созерцая все, что окружало его. И вдруг он с изумлением заметил, что толстые ветви деревьев не выдерживают тяжести снега и ломаются, а тонкие ветки пригибаются, а потом сбрасывают снег и выпрямляются как ни в чем не бывало.

— Мягкость побеждает силу и зло! — воскликнул пораженный собственным открытием Сиробеи. И с тех пор главным принципом джиу-джитсу и еще целого ряда боевых искусств стало: поддаться, чтобы победить...

Согласно наиболее популярной версии, джиу-джитсу (более точное произношение — дзю-дзюцу, так как в японском языке отсутствуют звуки «ж», «ч», «ш») возникло

во времена войны феодальных кланов Тайра и Минамото в XI—XII вв. н. э. Врач Акаяма Сиробеи, в совершенстве владевший распространенными тогда единоборствами коуг соку (в переводе — «латы, которые всегда при себе») и косино мавари, или коси мавари («панцирь, защищающий поясницу»), отправился для совершенствования своих познаний в области медицины в Китай, где познакомился с рядом местных единоборств и изучил два из них — шубаку и тайцзытуйшоу. К счастью, искусство рукопашного боя интересовало его ничуть не меньше медицины — вернувшись, он решил систематизировать все известные ему приемы борьбы без оружия и создать единую систему со своими принципами и методами. Прекратив практику, он заперся в своем доме вместе с лучшими учениками и единомышленниками и 12 месяцев спустя представил специально созванной императорской комиссии 3 тысячи приемов рукопашного боя, заявив, что с их помощью может справиться с любым соперником, как невооруженным, так и вооруженным. После долгого просмотра и основательного обсуждения комиссия отобрала лишь 300 приемов — остальные заканчивались смертельно и потрясали своей жестокостью. Так возникло новое искусство, которое разнесли по Японии ученики Сиробеи. Особо оно пришлось по вкусу воинственным самурайским кланам, которые сразу взяли его на вооружение.

А оружием оно действительно было мощным. По преданиям, самураи, хватая в пылу борьбы противника, вырывали у него куски мяса вместе с обломками костей, сами того не замечая, а уж если человек попадался на прием, то можно было считать, что бой окончен. Кстати, рассказывают, что у Гитина Фунакоси был учитель джиу-джитсу, который, сколько бы ни брал в руку бамбуковых палок, расщеплял их одним движением.

О самураях хотелось бы сказать особо. Из нашей литературы складывается впечатление, что они были жестокими кровожадными убийцами, и у нас понятие «самурай» употребляется с отрицательным оттенком. Но это неверно. Самураев можно сравнить со средневековыми рыцарями Запада, и это военное сословие не было ни жестоким, ни кровожадным (слово «самурай» происходит от глагола «сабурахи» — служить великому человеку, человеку высшего сословия). Благородные воины, настоящие джентльмены, они наносили противнику смертельные раны

только в том случае, если он посягал на их жизнь, и жили они согласно бусидо — кодексу чести и традиционной самурайской морали, в котором главными принципами были прямота, мужество, доброта, вежливость, уважение к людям, искренность и честность (слово самурая было законом), верность долгу («самурай не оставит своего господина, даже если число его вассалов сократится со ста до десяти и с десяти до одного»), скромность.

Самурай никогда не нападал на слабого, презирал деньги, а прежде чем напасть на врага, кричал: «Извольте защищаться!» или «Извольте умереть!» В бусидо говорилось, что обладающий лишь грубой силой недостоен звания самурая, и они изучали науки, владели живописью, были неплохими поэтами и даже иногда на поле боя слагали стихи, воспевающие мужество и храбрость только что побежденного противника, в совершенстве знали чайную церемонию и каллиграфию — как и искусство боя. Рыцарями они оставались даже в случае поражения — самурай называл победителю свое имя и с улыбкой на устах делал харакири.

Примерно до XIV века развитие джиу-джитсу шло по замкнутой клановой системе. А в XIV веке, в ходе усмирения крестьянских восстаний на Окинаве, самураи с ужасом убедились, что их искусство неэффективно против ударной техники, созданной как средство борьбы с джиу-джитсу. Но опытные воины не собирались опускать руки — самураю такое не к лицу. Они раскрывали секреты «школы в зарослях» и начали интенсивно обогащать технику джиу-джитсу новыми приемами.

С этого момента начинается новый этап развития джиу-джитсу. Часть кланов продолжала сохранять верность традициям и культивировать классическое направление, уже утратившее эффективность, другие вообще отказались от борцовских приемов, полностью переняв технику окинавского рукопашного боя, а третьи начали комбинировать борцовскую технику с ударной. А в XVI веке появился и сам термин «джиу-джитсу». В русском языке он имеет порядка десяти эквивалентов, наиболее распространенными вариантами перевода являются «тайное искусство», «незаметное искусство», «искусство четырех пальцев», «искусство незаметного отключения» и поэтический — «ветка, не сломленная снегом».

Джиу-джитсу в отличие от ушу и каратэ-до никогда не становилось всеобщим достоянием и преимущественно

культивировалось самурайскими родами, причем каждый род развивал искусство в своем направлении и фактически создавал фамильную школу.

В 1868 году Японию потрясла буржуазная революция Мэйдзи, разрушившая феодализм и отнявшая у самураев былое влияние, почет и уважение. Многие японцы покинули родину, эмигрировав в Европу и США, и вместе с ними эмигрировало и джиу-джитсу, вызвавшее повышенный интерес спецслужб европейских стран — в первую очередь Германии, Австрии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. Кстати, очень сильные мастера джиу-джитсу были в генеральном штабе русской армии, в армейской разведке и контрразведке, а также в Третьем департаменте полиции, где оно использовалось в основном для разгона демонстраций без применения оружия.

Массовое развитие джиу-джитсу получило в России уже после Октябрьской революции, в двадцатых годах, благодаря Василию Ощепкову. Родившись в тюрьме, он затем волею судьбы оказался в русской миссии в Японии, занимался дзюдо в центральной школе Кодокан (дзюдо тех времен было во многом схоже с джиу-джитсу и практически ничем не напоминало нынешний спортивный вариант), а потом создал свои школы во Владивостоке и Москве. Ощепков (в 1937 году он был незаконно репрессирован и умер в тюрьме) и его ученики обогатили японскую технику приемами национальных видов борьбы, успешно выступали на международных соревнованиях — так, борьба вольного стиля и борьба в одежде или дзюу-до, как называл ее сам Ощепков, получивший в Кодокане второй дан, входила в программу первой рабочей Спартакиады 1926 года.

Параллельно полковник НКВД Спиридонов на базе джиу-джитсу разработал САМОЗ — прикладную технику самозащиты, которой прекрасно владели представители советской военной разведки и контрразведки. Так, в книге В. Богомолова «В августе сорок четвертого...» (другое название — «Момент истины») описываются работники СМЕРШа, которые могли голыми руками задерживать хорошо вооруженных диверсантов, уклоняться от выстрелов с близкого расстояния и т. п.

В 1946 году искусство самообороны получило название самбо, а затем этот вид, еще в 1938 году включавший по классификации А. Харлампиева 8,5 тысячи приемов (для сравнения: в джиу-джитсу 10 тысяч приемов), утра-

тил прикладное значение, ударную технику и стал спортивной дисциплиной. Ну а сам спорт приобрел политическую окраску, так как победы оказались важнее знания искусства в целом.

Широкое распространение в мире джиу-джитсу, как и другие боевые искусства, получило лишь в пятидесятых годах, после того как представители различных видов совершили демонстрационно-коммерческие турне по всем континентам. Правда, джиу-джитсу уступило в популярности каратэ-до, ушу и таэквондо, но тем не менее оно культивируется многими международными организациями — Всемирной федерацией джиу-джитсу, Международной организацией боевых искусств, Международной федерацией будо, Международной федерацией ниндзюцу и многими другими.

Сегодняшнее джиу-джитсу — это искусство ведения боя с оружием и без оружия, в техническом арсенале которого примерно 60 процентов бросковых приемов (в том числе болевых и удушающих) и 40 процентов ударных. Но соотношение это может варьироваться в зависимости от стиля и традиций национальной федерации. Наверное, среди всех боевых искусств джиу-джитсу является наиболее демократической системой, поскольку по ее уставу каждая федерация имеет право вводить в свою программу и методику те базовые элементы, которые присущи для традиций этой страны. То есть здесь полностью отсутствует железная направляющая рука, нет диктата, нет рельсов, по которым можно ехать только в одном направлении и никуда больше, и дается право на творчество. Благодаря этому идет обогащение системы, так как каждый вносит в нее то, что считает нужным (хотя, конечно же, в ней есть определенная база и генеральное направление). Поэтому, например, в финской федерации приоритет отдается ударной технике, так как в Финляндии очень популярно контактное каратэ-до, во Франции федерация джиу-джитсу объединена с федерацией дзюдо (что говорит о приоритете техники бросковой), а в Дании дан по джиу-джитсу можно получить только после сдачи на дан по каратэ-до (стиль Сётокан).

Естественно, что есть свои отличительные особенности и у крупных мастеров, которых только в Европе насчитывается порядка 20 человек. У каждого из них свой индивидуальный вариант, даже если они занимаются по одной школе, а если стили разные, то различий еще больше.

Главенствующее положение в мире джиу-джитсу занимают его родоначальники — японцы. Федерация в Японии отсутствует, и представляют джиу-джитсу фамильные мастера, то есть прямые потомки самурайских родов, культивировавших издавна тот или иной стиль. Всего существует более 200 стилей, но наиболее крупных — 10—12: Хонтай-йосин-рю, Хакко-рю, Ямата-рю, Дайто-рю, Такэнаучи-рю, Саоситцу-рю и другие. Остальные же давно стали синтетическими и развиваются лишь по инерции — они либо культивируются очень узким кругом людей, либо являются подстилем.

Различия между стилями, которые в своей базовой технике не используют оружие, в целом незначительны — они в основном касаются стоек, положения корпуса, определенных элементов входа и выхода из приема, проведения тех или иных технических действий. И различия эти видны только высококлассному специалисту, потому что они заключаются только в базовых фамильных традициях — один клан издревле делал упор на удар кулаком, другой — на залом пальцев, и это было введено в ранг абсолюта и остается в этом ранге по сей день. Но зато у стилей, которые применяют различные варианты оружия, отличий много, так как техника подстраивается под предмет, будь то явара (короткая палка), джо (средняя палка), бо (двухметровый шест), нагината (бо с сабелькой на конце), вэй (веревка, пояс) или другой вид.

Классическое джиу-джитсу фамильных мастеров — это красивое исполнение сложной техники, преимущественно в системе парных кат, когда один партнер заранее знает, что будет делать другой — выигрывая в зрелищности, проигрывает в эффективности, так как в боевой ситуации практически бесполезно. Но тем не менее именно оно считается основой, и им обязан владеть любой мастер.

Главное отличие джиу-джитсу от других боевых искусств заключается не только в его демократичности и в наличии в техническом арсенале и ударной, и борцовской техники. Дело в том, что в джиу-джитсу практически полностью отсутствует спортивная конкуренция, которая заставляет держать технику в тайне от других, обуживать ее, делать серой и убогой, так как все подчинено одному — победе. (Правда, фамильные мастера ревностно берегут свои секреты и раскрывают лишь малую их часть, заключая за немалые деньги контракты с той или иной федерацией.) Поэтому на соревнованиях, проводящихся по си-

стеме показательных турниров, побеждает тот, кто демонстрирует высокий класс в большом спектре. Ведь человек здесь может заниматься и чисто рукопашным поединком, и кобудо (работой с оружием), и вэй-джитсу (работой с веревкой), и стю-джитсу (так называемое пальцевое джитсу, то есть работа с пальцами соперника, заплетение и связывание пальцев с вставлением между ними явары), и прочими направлениями. Хотя есть и система соревновательных поединков, называемая до-артс.

В соревнованиях, проводимых в легкий или полный контакт, т. е. удары не обозначаются, а наносятся (в легкий работают любители, в полный — представители различных спецслужб и антитеррористических подразделений), могут участвовать мастера каратэ-до, таэквондо, дзюдо, ушу, айкидо — словом, всех видов, где каждый может использовать свою технику; в поединках допускаются удары, броски, захваты, болевые и удушающие приемы, все, кроме воздействия на жизненно важные центры.

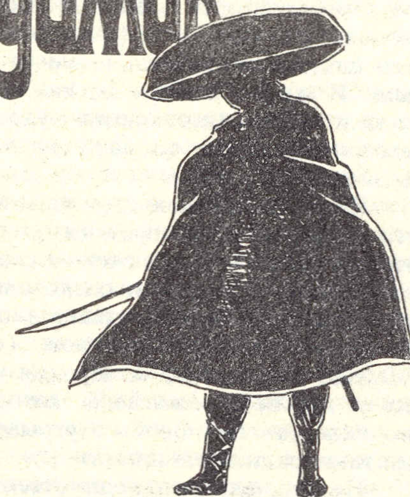
При сдаче экзамена на мастерскую степень занимающийся, кроме различных направлений джиу-джитсу, сдает также бу-джитсу, или полис-джитсу (полицейский вариант, то есть техника задержания, связывания, обыска, конвоирования плюс работа со специальным полицейским оружием — ножами, дубинками и т. д.), и экзамен на фах-лицензию (специальную тренерскую лицензию), в которую входит сдача соответствующей техники с получением диплома инструктора Интерпола.

Что касается эффективности, то сначала приоритет был за джиу-джитсу, но потом на первое место вышли каратэ-до, таэквондо и другие единоборства с обилием ударной техники. Тем не менее в работе на ближней дистанции преимущество по-прежнему остается за джиу-джитсу. Очень эффективно использование джиу-джитсу в разного рода нестандартных ситуациях, так что интерес к нему спецслужб многих стран не случаен.

Так что, несмотря на все перипетии и конкуренцию, ветка, которую не в силах сломить снег, выдержала и напор веков. И становится еще гибче и сильней, чем прежде...

Охота на невидимок

...Незаметно проникнув в здание, человек во всем черном неслышной поступью подошел к нужной двери и, присев около нее, начал возиться с замком. Услышав вдали шаги делающего обход охранника, он, даже не оглянувшись, бросил на пол какие-то железки, напоминающие противотанковые ежи в миниатюре, а когда показавшийся из-за поворота страж, на ходу доставая оружие, метнулся к нему, спокойно, не прерывая работы, достал из кармана горсть свинцовых шариков и не глядя кинул их через плечо в направлении бегущего.

Расчет его оказался точным. Поскользнувшись, охранник рухнул лицом на отточенные куски железа, и раздался душераздирающий крик. А человек в черном, так и не оглянувшись, открыл дверь и, забрав то, что ему

было нужно, неслышно растворился, словно его здесь и не было...

Говоря о джиу-джитсу, нельзя не сказать о тесно связанном с ним искусстве ниндзюцу, которое использовало и развивало прикладную технику джиу-джитсу.

Пожалуй, из всех боевых искусств ниндзюцу (или нимпо, как его иногда называют), древнее японское искусство шпионажа, является самым загадочным и таинственным. И когда смотришь на ниндзя, демонстрирующих на кино- или видеоэкранах чудеса владения собственным телом и разумом, то даже не верится, что такое могло быть на самом деле.

И действительно, в нашей стране литературы о ниндзюцу не существует (хотя за рубежом на эту тему опубликованы и приключенческие остросюжетные повести, и серьезные глубокие исследования японских и американских авторов), и информацию о них можно получить в основном из видеофильмов («Американский ниндзя», «Мольба о смерти», «Операция «Саброуз», «Месть ниндзя» и другие), режиссеры которых, как хорошо известно, склонны без особых угрызений совести жертвовать фактами ради зрелищности.

Но это, наверное, единственный случай, когда видеофильмы не приукрашивают действительность, а даже преуменьшают, принижают ее: то, что умели ниндзя, кажется сверхъестественным.

Точная дата рождения ниндзюцу неизвестна. Но об использовании в военных и политических целях специально подготовленных шпионов, лазутчиков и диверсантов говорится еще в знаменитом китайском трактате о воинских искусствах «Сун Цзы», датируемом VI веком до н. э. (есть сведения о существовании в Китае тех и более поздних времен особого клана «Лесные демоны»). А в Японии военный шпионаж начал развиваться в V—VI веках н. э.— известно, что в этот период к услугам ниндзя (впрочем, сам термин, обозначавший «люди-невидимки», или «воители-тени», возник гораздо позже) прибегали монахи, воюющие с властями. А ниндзюцу как искусство окончательно сложилось к XIII веку, и четыре последующих столетия феодальных войн, распрей, заговоров и интриг стали эпохой его расцвета. Тогда же сформировался и институт ниндзя, выходцев из обособленных родовых самурайских общин. Правда, в XVII веке феодальный князь (сёгун) Токугава, пришедший с помощью ниндзя

к власти, под страхом смерти запретил это искусство и объявил на ниндзя настоящую охоту. Но ниндзя продолжали существовать и не только потому, что в них была кровно заинтересована элита японского общества, использовавшая их для выполнения различных деликатных поручений. Просто охота на невидимок — задача более чем сложная, и чаще всего получалось так, что жертвой становился сам охотник.

Но когда в 1868 году в стране Восходящего Солнца свершилась буржуазная революция, ниндзя навсегда исчезли с военной и политической арены, сохранившись лишь в истории, не слишком-то к ним благосклонной.

Пожалуй, не было для самурая более презираемого существа, чем ниндзя. Элегантные, благовоспитанные воины, известные своим бескорыстием, презирали людей, живущих где-то в затерянных лесах и горах и не знавших ничего, кроме своего искусства, которое вдобавок они использовали за деньги, и ниндзя были для них чем-то вроде касты неприкасаемых. Но тем не менее гордые, самолюбивые, бесстрашные бойцы, пренебрегавшие смертью, никого не боялись так, как этих отверженных. Потому что мастерство самурая, посвящавшего изучению техники боя большое количество лет, не шло ни в какое сравнение с мастерством ниндзя. Да, они не знали наук, не слагали стихов и умели в своей жизни только одно — зато как умели!

Будущего ниндзя начинали воспитывать с рождения — тут уж было не до сказок и игрушек. Все, чем занимались с ним или с ней (а среди ниндзя было немало женщин, не менее искусных, чем мужчины — их называли куноити) родители и наставники, было направлено на овладение будущей профессией. Любительство в ниндзюцу было попросту невозможно.

Наверное, то, что проделывали воспитатели с детьми, нынешним родителям покажется верхом изуверства. Например, люльку с ребенком раскачивали так, что она ударялась о стену и ребенок приучался группироваться при ударе и отталкиваться от стены. Затем, сажая его на землю, катили на него довольно тяжелый шар и тем самым учили его ставить блоки. В полгода будущий ниндзя начинал плавать — раньше, чем ходить. А с возрастом подготовка все больше усложнялась. Детей учили скакать на коне, запрыгивая и спрыгивая с него на полном ходу, прыгать в высоту через колючий кустарник или слегка затуплен-

ные лезвия мечей, прыгать с высоты, бегать на многокилометровые дистанции, быстро и неслышно ходить, выполнять сложнейшие акробатические и гимнастические упражнения на высоко подвешенном тонком бревне, а затем на веревке. А заодно добивались необычайной подвижности суставов и нечувствительности к боли, особым массажем, набиванием и диетой превращая тело в «железную рубашку». Заставляли в любую погоду ходить нагишом, подолгу обходиться без пищи и воды, по нескольку дней находиться в кромешной тьме.

В результате ниндзя мог сутками находиться в воде, отлично нырять, надолго задерживая дыхание, часами сохранять неподвижность камня, прыгать с высоты до 10 метров, легко перепрыгивать через заборы, взбегать на отвесные стены, ходить, не оставляя следов, ловить рукой выпущенную в упор стрелу, обычным камешком попадать противнику в глаз с 20 шагов, прекрасно видеть в темноте, вынимать из суставной сумки руку или ногу (это использовалось при освобождении от пут, пролезании в узкие отверстия и в бою, когда ниндзя мог на несколько сантиметров удлинить руку при ударе) и даже увеличивать собственный рост. К тому же они обладали прекрасной зрительной памятью и с первого раза запоминали рельеф местности, обстановку в комнате, важный документ, имели отличный слух — по свисту стрелы ниндзя мог определить расстояние до лучника, по лязгу оружия — его вид. Различали ниндзя голоса птиц и зверей и искусно им подражали, умели готовить яды и лекарства, взрывчатые вещества, владели навыками акупунктуры и хирургии.

Естественно, большое внимание уделялось технике боя. Изучая в общем-то ту же технику, что и самураи, ниндзя брали чисто прикладной аспект и доводили приемы до сверхсовершенства, а если учесть, что они были прекрасными гимнастами и акробатами, то можно представить, насколько смертоносной становилась эта техника в их руках.

Владели они и оружием, притом довольно своеобразным. Помимо обычного меча ниндзя, в зависимости от школы, использовали сёге (кинжалы с двумя лезвиями — прямым и загнутым,— выходящими из одного основания и находящимися в одной плоскости), манкикигусари (цепи со свинцовыми шариками на концах), кама (топоры с узкими загнутыми остриями), серпы с прикрепленными к рукоятям цепями, кастеты «тигриная пасть» (они кре-

пились как на внутренней, так и на внешней стороне ладони), сюрикэны (тонкие стальные пластины в форме крестов, звездочек или шестерней с остро заточенными краями, которые были страшным метательным оружием) и многие другие виды вооружения. Ножны меча имели отверстие, через которое ниндзя мог дышать под водой или пускать отравленные стрелки (так называемый «плевок дракона»). На запястьях они носили специальные браслеты, которыми защемляли лезвие меча противника и легко обезоруживали его одним поворотом кисти.

Вообще ниндзя экипировались на задание почище современных спецназовцев — у них были шипы, которые они в случае надобности прикрепляли к обуви, специальная сумка-обойма для сюрикэнов, на предплечье крепилась обойма для дротиков, были «дымовые шарики», дававшие ниндзя возможность устроить завесу и раствориться в дыму, проволочные пилы с кольцами на концах, использовавшиеся как оружие или вспомогательный инструмент, и многое другое. Было и «невидимое» оружие — посох-меч, веер из тонких металлических пластин, шляпа-сюрикэн (под полями крепилось огромное лезвие) и т. д.

Последним компонентом подготовки была подготовка психологическая. Как правило, строилась она на длительном воздействии обучаемых друг на друга — садясь напротив, они начинали пристально и неотрывно смотреть напарнику в глаза, настраиваясь на его волну и проникая в чувства и мысли. Иногда партнером становился дикий зверь — обучаемый входил в клетку с хищником и должен был взглядом заставить зверя отказаться от агрессивных намерений и признать превосходство человека.

После такой тренировки ниндзя становился прекрасным психологом и первоклассным гипнотизером и без труда усыплял одного или нескольких противников, даже мог взглядом обратить врага в бегство. Чувствуя мысли и намерения людей на расстоянии, он не терялся в окружении нескольких врагов и сохранял спокойствие и хладнокровие, вселяя в них неуверенность и страх и получая значительное преимущество еще до столкновения.

Подготовка заканчивалась в 15 лет — ученик сдавал экзамен по всем дисциплинам и посвящался в ниндзя. Затем ему вручали личное оружие и униформу — бесформенный черный балахон с капюшоном и черную маску. Одежда эта не только устрашала врагов (давно замечено, что черный цвет оказывает сильное психологическое

воздействие), но и лишала человеческую фигуру привычных очертаний, делала ее неприметной, благодаря чему ниндзя могли сливаться со стенами и растворяться в темноте. И — начиналась взрослая жизнь, прожить которую до конца удавалось немногим. Жизнь, в которой постоянными были только три величины — тренировка, опасность и готовность к бою.

Вообще-то надо отметить, что ниндзя старались боя избегать — у них были иные цели и задачи. Им поручали выкрасть важный документ или похитить князя, подслушать разговор или убить военачальника, совершить диверсию или провокацию — словом, вещи, справиться с которыми обычному человеку чаще всего не под силу. Выполнив задание, ниндзя умело уходил от погони, используя искусство маскировки, например отвлекающие поджоги.

А если все-таки дело доходило до боя, он был страшен и беспощаден — здесь ему было не до самурайского этикета, не до обмена любезностями с противником, так что ценил он не красоту, а эффективность, тем более что в случае захвата в плен его ждала страшная, мучительная смерть. По преданиям, один ниндзя стоил в открытом бою двадцати и больше хорошо обученных воинов, и, видимо, это не преувеличение. К тому же дрался он не по привычным канонам, а постоянно меняя позицию, совершая головоломные прыжки, используя свое страшное оружие. Так что проще было дать ему свободно уйти, нежели вступать с ним в схватку, которая еще неизвестно, чем закончится. Ну а когда ниндзя все же терпел поражение и попадал в плен, врагам не удавалось выведать у него ни слова — он стойко умирал под жестокими пытками, еще больше усиливая их страх и уважение.

Подготовка ниндзя не заканчивалась и после обряда посвящения — предела совершенству в ниндзюцу не было. Помимо тренировки физической и психологической шло изучение философии, овладение различными амплуа — бродячего монаха, фокусника или путешествующего богатого повесы. Их врагам грозила постоянная опасность — любой человек мог оказаться переодетым ниндзя, и охотник мог легко стать жертвой. Да так оно чаще всего и бывало.

Те, кто называют ниндзя наемными убийцами, обвиняют в кровожадности, несправедливы к ним. Далеко не всегда они убивали тех, кто оказывался на их пути, а часто использовали гипноз или нажатие на ту или иную

точку, просто отключая человека и сохраняя ему жизнь. И выполняли ниндзя свою нелегкую работу просто потому, что ничего другого не умели, они выросли в клане, который дал им соответствующую подготовку, и его законам были обязаны подчиняться. А само руководство клана было заинтересовано не столько в деньгах, сколько во влиянии, в том, чтобы занять на политической арене как можно более высокое положение. И в самом деле — зачем много денег людям, живущим в лесах и горах?

Увы, ниндзя не удалось восстановить былой авторитет, вернуть себе прежние позиции. Вначале им помешало предательство Токугавы, а потом — история. История, в которую они канули и растворились...

Впрочем, как сообщают в своей книге «Совершенно секретно» В. Кассис и Л. Колосов, в японской префектуре Маё расположена единственная школа ниндзюцу, и настоящих специалистов в этой области на апрель 1977 года насчитывалось 59 человек. Сложно как-либо прокомментировать эту информацию, но в любом случае речь идет о ниндзя легальных, то есть фактически «полуниндзя». И чем они занимаются, насколько велико их мастерство — мало кому известно.

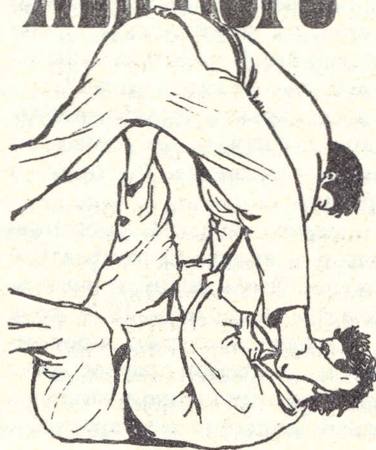
Существует и Международная федерация ниндзюцу, но, судя по рассказам тех, кто сталкивался с представителями этой организации (в частности, единственным в нашей стране специалистом международного класса в области джиу-джитсу Иосифом Линдером), они лишь играют в ниндзя, хотя и носят их имя и униформу.

Высшим искусством ниндзя считалось «искусство видимых людей» — жить в миру обычной жизнью, оставаясь при этом ниндзя, но так, чтобы никто не догадался, кто ты такой на самом деле. Жить среди изученных, понятых, но так и не принятых тобой людей с их странной философией, обычаями и привычками, совмещая мирские заботы с тщательным соблюдением своих канонов. Жить и вспоминать рассказы отца и деда о славном прошлом, которое никогда уже не вернется. И лишь по ночам доставать из тайника фамильный черный балахон и разворачивать его с учащенным биением сердца...

Так что, быть может, настоящие ниндзя, скрывающие от всех свое искусство, и сегодня живут среди обычных людей? Живут, тайком от всех тренируясь и дожидаясь, что, может быть, когда-нибудь придет их час? Кто знает?..

Жесткость мягкого пути

...Насквозь просвечиваемое обжигающе горячими лучами солнца море было мягким, ласковым и спокойным. Лишь небольшие волны расходились от носа корабля, неутомимо резавшего воду. А на корме, вглядываясь в гладкую незамутненную поверхность, стоял человек, и мысли его скользили по сине-зеленой воде. Профессор Дзигоро Кано, известный всему миру как отец дзюдо, возвращался домой из Европы и размышлял, правильно ли поступил, не возразив против включения дзюдо в программу спортивных соревнований. Он не сказал ни «да», ни «нет», хотя первые европейские соревнования, свидетелем которых стал Кано, не привели его в восторг, даже наоборот, тем более что он задумывал свое детище не как спорт. Но Дзигоро Кано прекрасно понимал, что другим путем

дзюдо не удастся завоевать мировое признание, и потому промолчал.

Вряд ли кто теперь может сказать, к какому выводу пришел Кано после долгих мучительных раздумий. За несколько часов до того, как на горизонте показались берега его родной Японии, профессора Кано уже не было в живых — 76-летний мастер лег отдохнуть в своей каюте и уже не поднялся...

Дзигоро Кано начал заниматься боевыми искусствами по восточным меркам довольно поздно — в 17 лет. Но человеком он был талантливым и за короткий срок овладел базовыми навыками нескольких школ джиу-джитсу, став к 22 годам перспективным инструктором Высшей императорской школы. Кругозор его в области боевых искусств был весьма широк, и знание нескольких стилей позволяло судить о системе джиу-джитсу в целом. Кано видел в ней массу плюсов, но и минусов, на его взгляд, хватало — достаточно слабо были развиты страховка и самостраховка, очень большое число приемов — болевых, удушающих, ударных — было травмоопасно, и полное проведение приема обязательно приводило к травме, подчас очень тяжелой. И он решил создать свое направление, исключив из арсенала джиу-джитсу многие опасные приемы, удушающие, болевые на кисть и другие суставы (за исключением болевых на локтевой сустав и на ноги, которые хорошо контролируются), и взял из джиу-джитсу наиболее эффективные броски, разработав специальную систему подводки к обучению им.

Это направление он назвал дзюдо — «гибкий путь», или «мягкий путь», а девизом сделал изречение «Максимальная эффективность и всеобщее благополучие», что означало максимальную эффективность в развитии личности и всеобщее благополучие в свете развития каждой личности. Увидев в джиу-джитсу большой воспитательный смысл, он создавал не спорт, а систему духовного воспитания через воспитание физическое. Впрочем, ничего принципиально нового он не изобрел — дзюдо можно рассматривать не как отдельное искусство, а как самостоятельную, независимую школу джиу-джитсу.

В 1882 году Кано организовал центр дзюдо Кодокан. Поначалу в нем было всего девять учеников, но уже через год, после того как ученики Кано на первых соревнованиях со школами джиу-джитсу одержали убедительную победу (поединки проводились по усредненным пра-

вилам, но не спортивным, а боевым, то есть с использованием чисто прикладных приемов), их стало гораздо больше. Правда, Кано тогда несколько схитрил, подстроив правила под себя и своих воспитанников,— так, зная, что во многих школах Киото отлично развита борьба в партере, он свел ее значение до минимума, дав преимущество представителям своей школы, лучше работавшим в стойке. Но это, в общем-то, было не столь уж существенно (впоследствии, впервые столкнувшись с советскими дзюдоистами, которые заимствовали из самбо отлично развитую борьбу в партере, японцы поняли ее плюсы и переняли ее).

Дзюдо быстро обретало популярность, школы дзюдо открывались в различных учебных заведениях страны — от школ до университетов, а уже через 10—15 лет после открытия Кодокана школы дзюдо появились и в Европе, куда Кано направил своих сильнейших инструкторов.

Итак, первые соревнования были проведены через год после официального рождения дзюдо, и постепенно их стало проводиться все больше и больше. Кано не протестовал против них, хотя дзюдо было не спортивной, а скорее прикладной системой, и главным в ней считался именно воспитательный момент. Существующий и сегодня прикладной аспект ставшего спортивной дисциплиной дзюдо атэ-вадза, или «техника против рук», представляет собой нечто среднее между джиу-джитсу и каратэ-до и является очень эффективным средством ближнего боя. В нем есть обилие ударов, болевые на все суставы и позвоночник, запрещенное в спорте удушение. И вряд ли Кано мог предвидеть, что со временем спортивное дзюдо, обуженное и обедненное, где даже в финалах чемпионатов мира и Олимпийских игр из 5—6 тысяч технических приемов (столько насчитывала созданная Кано система) используется 2—3, станет более популярно в мире, чем то, что создавал он.

Дело отца продолжил сын Ресеи Кано, и именно при нем рождалось современное спортивное дзюдо. С классической системой случилось то, что случается с боевыми искусствами, когда они становятся видом спорта,— последователи основателя боятся перешагнуть через заложенные им каноны, и это является тормозом для развития спортивной системы. Так, оказалось, что принципы, заложенные Кано, введенные им правила бессмысленны в современных соревнованиях, и японские принципы заработали против самих японцев — не случайно первым чемпионом мира стал голландец Геезинк.

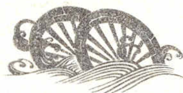
В конечном итоге дзюдо здорово преобразилось, и доведись Дзигоро Кано побывать на нынешних соревнованиях, он бы просто не узнал собственное детище. А если учесть, что большая часть занимающихся дзюдо живет за пределами Японии, становится ясно, что большой отпечаток на технику и тактику поединка наложила европейская и американская психология, и приемы из классического дзюдо в спортивном единоборстве уже неприемлемы.

Впоследствии японское дзюдо разделилось на 2 школы — Кодокан, где развиваются все спортивные стили, и дзюдо-ханми, старая система традиционного дзюдо со своими принципами, нормативами, организацией. Для европейца отличить дзюдо-ханми от джиу-джитсу довольно трудно, разница между ними заключается в том, что в дзюдо-ханми запрещены болевые приемы на глаза, рот, нос, пальцы, а также некоторые болевые на уши, и запрещено душить соперника руками, только с помощью одежды. А так они очень схожи. Соотношение ударной и бросковой техники равняется 2:3, есть работа с классическим оружием, есть ката (в дзюдо их 12 — ударных, бросковых и смешанных, причем есть специальные ката для женщин, не требующие большой физической силы, и для мужчин), а в поединках главное — не победа, а демонстрация широкого спектра техники. Причем традиционное дзюдо считается эффективной системой — его в обязательном порядке изучают работники полицейских служб Голландии, ФРГ, Бельгии, Франции. Обычно те, кто занимается большим спортом, с прикладным аспектом дзюдо не знакомы.

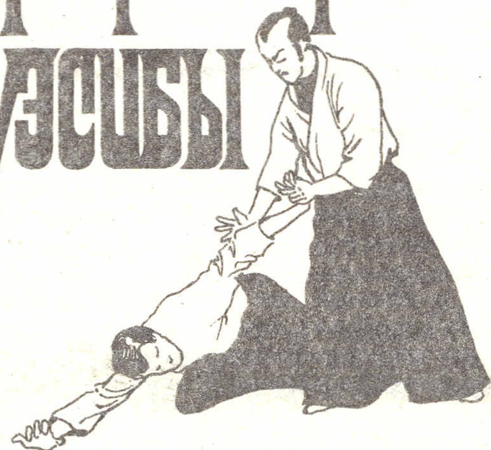
Есть в дзюдо очень интересная система дзюдо-до — «философия мягкого пути» (который, как выясняется, совсем не мягкий, а скорее наоборот), которую в Европе культивирует только австрийский Союз самообороны. Ее отличительной особенностью являются парные ката, выполняемые ритмизованно под большой барабан (в Европе — под метроном или запись мелодии, исполняемой на малом барабане и флейте) и напоминающие сценический танец с красивыми вычурными движениями (партнеры заранее знают, что будет делать каждый из них). Естественно, в дзюдо-до отрабатывается не «рабочая» техника, а традиционные перемещения, вхождения и выходы из приемов, их выполнение. Парные ката имеют огром-

ный медитативный эффект, так как выполняются подсознательно, на рефлекторной основе. Идет физическая нагрузка и психологическая разгрузка, в результате которой человек полностью избавляется от напряжения и стрессов. После 3-часового выполнения ката мастер чувствует себя готовым к тяжелой тренировке, так как ни времени, ни усталости в этом случае не ощущается.

Дзюдо стало первым боевым искусством, вышедшим на олимпийский уровень, и то, что произошло с ним, наглядно показывает: хотя широкое распространение способствует росту авторитета и популярности, оно же ведет к искажению искусства вплоть до отхода от основных принципов и сводится просто к набору техник. Тем не менее каратэ-до и таэквондо упорно стремятся попасть в число олимпийских видов, хотя перед глазами у них есть пример впечатляющий и грустный. Что ж, может и правда, для того чтобы что-то найти, нужно что-то потерять?..

„Волшебный меч" профессора Уэсибы

...Как быть, когда тебе самому или тому, кто рядом с тобой, угрожает серьезная опасность? Когда где-то поблизости громко и отчаянно зовут на помощь, когда на твоих глазах сильный пристает к слабому, несколько человек — к одному?

Кажется, ответ однозначен — попробовать уладить дело миром и лишь в случае неудачи действовать. Без жестокости, но и без жалости, так, чтобы любители покуражиться получили действенный и чувствительный урок. Потому что зло не должно оставаться безнаказанным...

Но есть, оказывается, и другой ответ — его дает айкидо, самое молодое и самое сложное боевое искусство.

Создатель айкидо Морихеи Уэсиба родился в конце прошлого века в Японии в префектуре Вакаяма. По пре-

данию, он с детства был хилым и болезненным и остро переживал и насмешки соседей, и сочувствие родных. И ушел из дома, решив вернуться лишь после того, как исправит природные недостатки, станет сильнее всех и сможет победить любого человека, и заранее предвкушал, как крепкий, рослый, могучий и, естественно, никем не узнаваемый появится через несколько лет в родной деревне.

Для осуществления своей задачи Уэсиба выбрал боевые искусства и начал заниматься ими с поразительным рвением и упорством. Говорят, что он изучал все виды, в том числе и каратэ-до, но точно известно, что он занимался в нескольких школах джиу-джитсу, постигал секреты кэндо и фехтования на копьях (яри-дзюцу). В поисках сильнейших мастеров он обошел всю Японию, оставался в учениках у тех, кто смог его одолеть, познавал их тайны и снова отправлялся в путь лишь после того, как побеждал очередного учителя.

Спустя 20 с лишним лет после начала странствий Морихеи Уэсиба приобрел славу величайшего специалиста в области боевых искусств. За эти годы он познал столько, сколько другие не могут познать и за всю жизнь. Он мог победить любого, его же не мог победить никто. Более того, с самым сильным соперником он играл как кошка с мышкой, читая его, как раскрытую книгу, а тот не мог коснуться его даже кончиком пальца. Тело его стало крепким как железо, руки и ноги могли без труда выполнить любое сверхсложное движение с быстротой молнии.

Но дух его так и не обрел покоя и даже становился все более тревожным. Уэсиба, одержавший бесчисленное количество побед и могущий за считанные секунды одолеть чуть ли ни любое количество невооруженных и вооруженных соперников, вдруг четко и я но осознал, что цель, которую он когда-то перед собой поставил и к которой шел все эти годы — стать самым сильным и побеждать всех и каждого — есть не что иное, как блеф. Когда-нибудь, рано или поздно, появится тот, кто будет сильнее его, с возрастом на смену победам обязательно придут поражения, и более молодой мастер лишит его смысла жизни, отняв то, ради чего он жил, и оставит его у разбитого корыта. Он понял, что победа лишь тешит тщеславие победителя, но не приносит пользы и счастья ни ему, ни окружающим. А значит, победа относительна и даже бессмысленна.

Выйдя на качественно новую ступень развития и утратив прежние убеждения и образ мышления, Уэсиба начал искать новый путь, ибо по старому идти было уже некуда. Он, прежде видевший в боевых искусствах лишь единоборства и не более того, начал читать философские трактаты, серьезно изучать буддизм, конфуцианство, даосизм и синтоизм, стучался в двери известных мудрецов и врата храмов.

Ищущий да обрящет! — и в конце концов Уэсиба нашел то, что искал. После мучительных размышлений и сомнений ему открылась истина: он должен идти путем природы и любви. И, соединив определенные элементы известных ему искусств с новой философией, Уэсиба создал принципиально новое искусство. Оно стоит особняком в ряду других боевых искусств и по праву считается самым трудным из них. И дал ему название айкидо, что можно перевести как «путь к гармонии духа», сравнив свое детище с волшебным мечом, который творит чудеса в руках не сильного, но правого.

Создав айкидо, Уэсиба не торопился рекламировать его и долгие годы держал в секрете, посвятив в тайну «волшебного меча» лишь нескольких избранных. Когда началась вторая мировая война и Япония с готовностью приняла в ней участие, Уэсиба вместе с преданными учениками ушел в горы, поселился там в шалаше и продолжал тренироваться и совершенствовать айкидо. И во всеуслышание объявил о его существовании лишь в 50-х годах, посчитав, что айкидо откроет новый путь сломленному и побежденному народу, утратившему веру и идеалы и находящемуся на грани катастрофы. Уэсиба искренне верил в гигантские потенциальные возможности айкидо, более того, он писал, что оно предназначено не для группы людей, не для одного народа, а для всего человечества.

Тогда же, в пятидесятых годах, айкидо попало в США и Европу. Вначале в Японии вышла книга «Путь природы и любви в айкидо», написанная сыном мастера Кисомару, а затем сам Морихеи вместе с сыном и первым учеником Коичи Тохеи совершил турне по США, Европе и Азии. И активно содействовал распространению айкидо за рубежом — по его настоянию Тохеи открыл несколько айкицентров в США, а другие ученики — во Франции, Италии, Индии, Бирме, других странах. Правда, айкидо не превзошло по популярности каратэ-до и другие виды, но тем не менее приобрело немалую известность как в

Японии, так и за рубежом. А сам Уэсиба за свою деятельность, которая была оценена по заслугам, получил звание профессора и почетный орден. Хотя, скорее всего, к наградам и почестям он был равнодушен.

В чем же заключаются отличительные признаки айкидо? Прежде всего в том, что философия его для боевых искусств неожиданна и даже революционна.

Как говорил Уэсиба, когда на тебя набрасываются с кулаками, есть два выхода — убежать или ответить ударом на удар. Первый несовершенен, так как один человек демонстрирует свою трусость, тем самым унижая себя и возвышая того, кто этого недостоин, и он все равно найдет себе другую жертву.

Второй выход предлагают боевые искусства, но несмотря на то, что все они допускают использование своей совершенной техники лишь во благо, тем не менее учат отвечать на удар ударом или броском, причем с такой скоростью и силой, чтобы схватка закончилась после первого же ответного движения. И этот выход, по мнению Уэсибы, плох и несовершенен, и в нем проигрывают оба: нападающий неизбежно получит тяжелую травму, а защищающийся, действуя во благо, совершит зло, нанеся вред другому человеку.

Но есть и третий выход, который предлагает айкидо,— мягко и бережно заставить нападающего одуматься, отказаться от своих намерений. Айкидо по замыслу его создателя борется не с агрессором, а с агрессией. Мастер айкидо, благодаря своему искусству находящийся на более высоком уровне развития, понимающ и терпелив по отношению к неразумным людям, которые, выйдя из состояния гармонии и равновесия, кидаются на него. Человек, атакующий мастера айкидо, не встречает отпора — он словно попадает в водоворот, который, покрутив его как щепку, аккуратно выносит на берег, не причинив никакого вреда. И так — раз за разом, до тех пор, пока нападающий не почувствует всю бессмысленность своей затеи и не остановится. А в результате — никто не пострадал, агрессия погашена, гармония восстановлена. И торжествует любовь...

По мнению Уэсибы — и нельзя сказать, что оно неверно,— все наше существование пронизано бесчисленным количеством конфликтов, крупных и мелких. Конфликтуют друг с другом народы, конфликтуют отдельные люди, человек конфликтует с природой. Слабый

старается избежать конфликтов, но рано или поздно сталкивается с ними и проигрывает. Сильный пытается стать еще сильнее, укрепляет тело и дух, занимается единоборствами, постоянно готовится к борьбе и стремится выиграть любой ценой, за счет других. Но тоже проигрывает, потому что своими руками кидает в благодатную почву зерно саморазрушения. Конфликтов нет только в природе — в ней царят спокойствие, гармония, благодарность и любовь. И именно поэтому айкидо следует ее путем, а она отвечает ему взаимностью. Природа бережет того, кто живет по ее законам: ему невозможно нанести удар исподтишка или застать врасплох, и даже если разобьется самолет, его в нем не окажется. В это Морихеи Уэсиба свято верил.

Философия айкидо отчасти напоминает толстовскую теорию непротивления злу насилием. Но лишь отчасти. Согласно учению Уэсибы, мастер айкидо никому не причиняет зла, он с уважением и любовью относится ко всем людям и окружающему миру и не совершает насилия в ответ на зло. Но и не подставляет правую щеку после того, как его ударили по левой.

Айкидо считается чисто оборонительным искусством, так как оно не может быть использовано для нападения. В арсенал его входят захваты и освобождения от них, броски, уходы с линии атаки и всего три удара руками, которые носят имитирующий, отвлекающий характер — прямые в голову и корпус и боковой.

Уэсиба построил тактику айкидо на тактике яри-дзюцу, когда боец находится в центре символического круга, вычерченного кончиком его копья, и войти в этот круг невозможно. В айкидо же человек, перешагнувший границу круга, попадает под воздействие энергии мастера, который, притягивая энергию нападающего, обращает ее против него. При этом он не использует силу — ему вполне хватает энергии противника.

Мастер за счет высочайшей интуиции по первому движению нападающего разгадывает его маневр, «вписывается» в атаку, своими перемещениями и действиями постоянно ставит его в неудобное положение, лишает преимущества, не дает продолжать атакующие действия, и в конечном итоге они полностью саморазрушаются. Чем яростней и сильней атака, тем с большей скоростью, силой и энергией она уничтожает самое себя. И тем больше опасность для нападающего — хотя айкидоист (или

айкидока) обращается с ним бережно, дает возможность остановить движение и отказаться от нападения, старается уберечь его от травм, но и айкидоист может оказаться бессилен ему помочь.

Об интуиции мастеров айкидо, которая вырабатывается годами постоянной работы с партнером (а тренировки в одиночку в айкидо невозможны), ходят легенды. Одна из них гласит, что, когда Уэсиба во время войны жил в горах, его не раз обстреливали военные патрули, принимавшие его за дезертира, но он легко уклонялся от пуль. А ученики Уэсибы вспоминают, что однажды ночью они решили испытать учителя и несколько раз пытались войти к нему в спальню, но каждый раз слышали вопрос: «Кто там?» Когда наутро они пришли извиниться перед учителем, оказалось, что он ничего не помнит и реагировал на происходящее подсознательно.

А американский мастер Койче Береш, возглавляющий один из айки-институтов США и внесший большой вклад в развитие айкидо в Москве, рассказал, что однажды, находясь с приятелем на пляже, он вдруг почувствовал приближение беды. С огромным трудом ему удалось убедить друга покинуть это уютное тихое место. Позже выяснилось, что предчувствие его не подвело — вскоре после их отъезда на пляже началось выяснение отношений между двумя группировками гангстеров, и в ходе перестрелки пострадали ни в чем не повинные люди.

Считается, что в айкидо нет ни одного движения, заведомо направленного на нанесение травмы. Это действительно так, но только в «чистом» айкидо. Дело в том, что существует несколько школ и направлений, в которых руководствуются принципами, отличными от принципов Уэсибы, и отношение к сопернику там совсем другое. Все приемы выполняются очень жестко, а удары используются не с целью отвлечения внимания соперника, а чтобы максимально «расслабить» его, лишить возможности сопротивляться и уже после этого «вписываться в атаку» и раскручивать спираль своего приема.

На вопрос, насколько эффективно айкидо в боевой ситуации, можно смело ответить, что в том виде, в котором создал его Уэсиба (имеются в виду его принципы), оно малоэффективно. Правда, сам создатель и его ближайшие ученики, да и сегодняшние мастера высокого класса демонстрируют работу с несколькими партнерами, когда мастер полностью владеет ситуацией, но это возможно

только на самом высоком уровне. Естественно, что жесткое айкидо в бою куда более эффективно, хотя в любом случае оно уступает в эффективности другим боевым искусствам.

Уэсиба твердо оговаривал случаи применения айкидо: когда твоей жизни грозит опасность, когда опасность грозит жизни другого человека, когда группа людей при большом скоплении народа начинает вести себя агрессивно и угрожает спокойствию, здоровью и жизни окружающих, добавляя при этом, что даже в этих трех случаях нужно прежде всего попытаться уладить дело миром. Тот, кто не усвоил принципы айкидо и думает применять его не по назначению, ничему не научится, а усвоение этих принципов и их полное осмысление требует многих лет изучения айкидо, то есть фактически высокий уровень сознания соответствует высокому уровню мастерства. Видимо, все это было основательно продумано изобретателем «волшебного меча».

Кстати, существует малораспространенная версия, что айкидо было заимствовано Уэсибой из китайской системы Ченна («72 захвата рук») во время его путешествий по Китаю. Изучив Ченна, Уэсиба перенял ее методы и технику и, вдобавок, собирался взять из ушу работу ног, чтобы сделать айкидо более действенным, но сделать это не успел. На самом деле, отсутствие технических действий ногами вызывает удивление — они дали бы айкидо куда большие технические преимущества и сделали бы технику более эффективной и разнообразной. Так что не исключено, что версия эта не лишена оснований.

Вообще-то прикладной аспект играет в айкидо далеко не самую главную роль (есть искусства — сумо, кэндо, бо-джитсу и ряд других, в которых этого аспекта вообще нет). Вся система в целом направлена на духовное воспитание и оздоровление. Соревнований в айкидо нет, на тренировках партнеры полностью раскрываются друг перед другом, тем самым давая возможность спокойно отрабатывать приемы. Более того, считается, что занимающийся айкидо должен получать удовольствие не когда он бросает партнера, а когда бросают его самого.

Но тем не менее айкидо действительно является самой сложной системой, поскольку для овладения им требуется освоение довольно своеобразной философии, а в процессе занятий основной упор делается не столько на физическую силу и технику, сколько на разум, мышле-

ние. И во всех аспектах — системой действенной, поскольку развивает и дух, и тело, а вдобавок имеет огромный воспитательный эффект. Так, в США айкидо используется как мощное средство психопрофилактики малолетних преступников и правонарушителей, так как начисто лишает их агрессивности и дает возможность по-другому взглянуть на мир и самого себя, воспитывает доброту и любовь к ближнему и природе.

Что ж, философия Уэсибы, его учение в наше прагматичное, жестокое время может показаться идеалистичным и старомодным. Но не исключено, что мастер не ошибался в своем убеждении, что его искусство нужно всему человечеству. На все, как известно, необходимо время...

Полеты над татами

...Когда специалистам попались на глаза фрески, обнаруженные археологами во время раскопок на Корейском полуострове, они были изрядно удивлены. На фресках этих, относящихся к самому началу нашей эры, были изображены сцены рукопашных поединков, очень напоминающих современное каратэ-до.

Действительно, корейское традиционное боевое искусство таэквондо (в переводе — путь руки и ноги), подобно ряду других восточных единоборств, имеет очень древнюю историю. В различных источниках, дошедших до наших времен, содержатся упоминания о нескольких разновидностях рукопашного боя, которые имели широкое распространение среди всех слоев населения: таэкен, пигаксуль и другие. Занимались ими и монахи, и воины, и городские жители — как беднота, так и знать.

Сильный толчок развитие на Корейском полуострове боевых искусств получило с образованием трех независимых государств: Когурё, Пэкче и Силла, которые возникли в начале нашей эры. Так, в государстве Силла существовала группа знати, объединившаяся в общество под названием Хваранг и создавшая новый стиль борьбы, получивший то же название. Технический арсенал — хваранг-до включал в себя не только привычные сегодня удары ногами, коленями, локтями, кистями рук, кулаками, но и удары плечами и головой (последний прием, судя по всему, был заимствован из китайской борьбы го-ти). Было в хваранг-до и весьма специфическое, только ему присущее действие — удар заплетенной косой, в которую специально вплетались металлические нити, а иногда и иглы, оставлявшие рваные раны.

Уже в IV веке н. э. на Корейском полуострове утвердился буддизм, и монастыри сыграли огромную роль в развитии и распространении искусства невооруженной борьбы. Китайские монахи вместе с буддизмом принесли на полуостров свои единоборства, в частности шубаку, которое здесь стало называться субак, ставший любимым занятием простонародья — понятно, что он был не просто заимствован, а обогатился местной техникой. А монахи, разрабатывавшие новые системы боя, были настоящими специалистами своего дела — так, в VII веке во время вторжения китайских войск в Пэкче отряд бритоголовых служителей Будды голыми руками и посохами обратил оккупантов в бегство. А девять веков спустя, когда на Корею напали японцы, в корейской армии был создан ударный отряд из 700 монахов, которые одержали несколько побед над войсками захватчиков.

Со временем искусство борьбы без оружия вышло за пределы монастырей. Единоборства в обязательном порядке стали изучать в армии: как в свое время в Китае, они стали важной частью экзаменов для претендентов на государственные посты — в поединке претендент должен был победить минимум двух соперников из трех.

В XVIII веке отношения с Китаем были прерваны, и начался период самостоятельного развития боевых искусств, в котором и определились самобытность и своеобразие корейских школ. Именно в это время возникла отличительная черта корейского рукопашного боя — сложнейшая система прыжков и ударов в полете. Обязательным элементом обучения считался прыжок с ударом на высоту

человеческого роста, так что настоящие мастера без труда выбивали из седел всадников.

В 1910 году началась японская оккупация Кореи, и за те 35 лет, что она продолжалась, корейские боевые искусства были практически загублены и сохранились лишь в немногочисленных школах. Зато широкое распространение получило каратэ-до. А уже после второй мировой войны генерал Чой Хон Хи, долгое время изучавший каратэ-до в Японии, объединил элементы этого искусства с элементами корейских школ, и в результате родилось искусство таэквондо, ныне получившее распространение во всем мире. А само название этого искусства (варианты произношения: «тхэквондо» и «тэквондо») было создано на специальном заседании лингвистов, историков и спортсменов, которое имело место в 1955 году.

Некоторые западные специалисты в своих трудах утверждают, что таэквондо является полностью заимствованной системой, причем одна треть технического арсенала взята из ушу и две трети — из каратэ-до. Действительно, внешне таэквондо ничем практически не отличается от каратэ-до, и даже становится несколько обидно за затерявшиеся в тени таэквондо корейские искусства — такие, например, как хапкидо (корейский вариант джиу-джитсу), танг-судо (именно с этой школы, в бытность свою солдатом оккупационной армии США, начал свое знакомство с боевыми искусствами знаменитый Чак Норрис, неоднократный чемпион мира по каратэ-до, главный герой многих нашумевших фильмов), му дук квон и другие, обладающие, если можно так выразиться, яркой индивидуальностью, чертами, присущими только им. В условиях, когда таэквондо доминирует на внутреннем спортивном рынке и представляет Корею на международной арене, ими занимается очень узкий круг людей.

Впрочем, у таэквондо есть свои специфические черты, благодаря которым оно весьма популярно в мире. Это прежде всего отлично развитая работа ногами, которой уделяется больше внимания, чем работе руками, большое количество прыжковой техники, которой придается огромное значение, плюс разбивание предметов (по-японски — тамисевари), более распространенное, чем в каратэ-до. Если в последнем случае разбивание носит скорее демонстрационный характер, то в таэквондо оно является чуть ли не самым важным элементом программы, причем предметы разбиваются не только с места, но и в прыжках

в длину (на расстояние не менее трех метров через согнутые спины нескольких партнеров) и в высоту (примерно на уровень баскетбольного щита и выше), что требует специфической подготовки, во многом схожей с подготовкой прыгунов. Доски для разбивания закреплены с помощью металлических устройств (при разбивании в прыжках в длину и с места их, как и в каратэ-до, держат руками партнеры), поэтому травматизм при ударах в прыжке в высоту очень велик, особенно среди девушек, которые в таэквондо, в отличие от других боевых искусств, выполняют то же, что и мужчины.

После раздела Кореи на Северную и Южную в таэквондо также возникло два направления. Южная Корея первой создала международную федерацию, получившую название ВТФ (Всемирная федерация таэквондо), объединяющую на сегодняшний день более ста стран. В 1973 году в Сеуле под эгидой ВТФ прошел первый чемпионат мира, через два года состоялось следующее мировое первенство. Побеждали на них, понятное дело, только родоначальники таэквондо, причем чемпионы получали огромные привилегии: ордена, пожизненную пенсию и другие блага, не могли подвергаться судебному преследованию, кроме исключительных случаев.

Но уже во второй половине 70-х годов европейцы стали серьезными конкурентами, и, чтобы сохранить ведущее положение в мире, основатели таэквондо начали прибегать к разного рода уловкам. Так, накануне чемпионата мира-77 в Чикаго они внесли изменения в правила и победили; через 2 года, за несколько часов до открытия четвертого чемпионата мира в западногерманском городе Зиндельфингене, попытались снова изменить правила и расстались с этой идеей, лишь когда хозяева первенства пригрозили вообще отменить соревнования. В 1983 году, в первый день очередного чемпионата в Копенгагене, южнокорейская делегация добилась введения щитков на локти и колени, что явилось полнейшей неожиданностью для европейцев и привело к их поражению, а накануне хельсинкского чемпионата мира-87 попыталась ввести новую систему присуждения очков за удары ногами — элемент, в котором спортсмены Южной Кореи отличаются особым мастерством.

Понятно, что европейцы глубоко убеждены в том, что для южнокорейцев все эти нововведения таковыми не являются и представляют собой давно отработанные элементы техники. Даже в самой Южной Корее такие трюки в последнее время осуждаются, в том числе и президентом ВТФ, который является членом НОК и которому нужна поддержка европейцев, чтобы сделать таэквондо олимпийским видом.

Несколько позже ВТФ, в 1973 году, образовалась ИТФ (Международная федерация таэквондо), развивающая северокорейское направление. Соперничество между ними — во многих городах мира чуть ли не по соседству функционируют залы ВТФ и ИТФ, не контактирующие между собой,— и не дает таэквондо возможности стать олимпийским видом, хотя для этого у него, кажется, есть все шансы, тем более что на Олимпиаде-88 в Сеуле прошли показательные выступления по этому единоборству.

На первый взгляд, разница между двумя направлениями таэквондо не существенна — та же техника, то же соотношение ударов ногами и руками (примерно 7:3). И там и там в программу соревнований и экзаменов на степень входят формальные упражнения, или тулы (тыли), соответствующие каратистским ката (всего насчитывается 24 формы), разбивания и спарринги, в ходе которых спортсмены по правилам как ИТФ, так и ВТФ обязаны надевать защитную амуницию — нагрудники, шлемы, паховую защиту, перчатки и протекторы на ноги.

А отличие заключается в том, что в ВТФ спарринг идет в полный контакт и нокдауны и нокауты — явление распространенное, а в ИТФ соперники должны работать очень мягко, касаться друг друга, не причиняя вреда. Такого, пожалуй, не встретишь ни в одном боевом искусстве: в то время как защитная амуниция «провоцирует» на нанесение ударов в полную силу, участники поединка должны фактически играть друг с другом, работать в легкое касание. За любой сильный удар, чреватый нанесением травмы сопернику, спортсмен штрафуется — как и за атаку лежачего, удар в затылок, удар ниже пояса — или даже снимается с соревнований.

Родоначальники таэквондо с Севера и Юга весьма усердны в пропаганде своего искусства за рубежом — только в нашей стране работает множество инструкторов ИТФ, и нередки показательные выступления, участие в которых принимают обладатели высоких данов. Но обольщаться здесь не следует, так как если в каратэ-до с момента начала занятий до получения первого дана проходит от пяти до десяти лет, то в северокорейском таэквондо —

два-три года, а то и меньше. Снижение требовательности, понятно, ведет к обесцениванию звания.

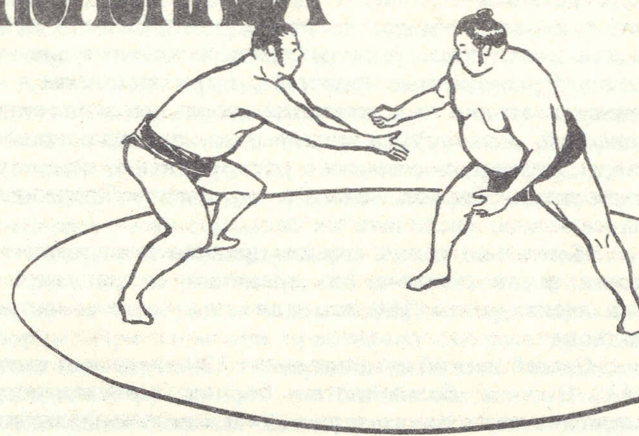
Интересно, что хозяева таэквондо, в частности ИТФ, требуют от европейцев строгого соблюдения всех традиций и обычаев, связанных с этим искусством. Человек, не имеющий определенного костюма с надписью ИТФ на спине, стóящего порядка сотни долларов США, к соревнованиям или сдаче экзаменов не допускается. А тот, кто претендует на мастерскую степень, должен также иметь строго определенный костюм, выполнять соответствующие ритуалы, после каждого упражнения в обязательном порядке выкрикивать: «Таэквон!», в совершенстве владеть терминологией, знать наизусть биографии известных мастеров, теорию и историю таэквондо вплоть до мельчайших нюансов. Причем касается это не только корейцев, но и иностранцев.

Несмотря на внутренние разногласия, конкуренцию, соперничество и отсутствие стремления к единству, таэквондо, пожалуй, имеет больше шансов стать олимпийским видом, чем каратэ-до, на основе которого и было создано таэквондо, оказавшее заметное влияние на корейские единоборства.

Ирония судьбы...

Гиганты в пеленках

...Говорят, что японцы впервые узнали о том, что император Хирохито серьезно болен, когда он не выступил по телевидению в ходе осеннего турнира по сумо, считающегося самым престижным,— ведь он был его величайшим поклонником, и только что-то экстраординарное могло заставить его пропустить такое событие...

Сумо — древнейшее японское боевое искусство из сохранившихся до наших дней. Оно давно уже не имеет прикладного значения и боевым искусством в полном смысле этого понятия не является. Но искусством, к тому же необычайно популярным, остается. И потому заслуживает отдельного разговора.

Сумо, как уже отмечалось выше, имеет более чем двухтысячелетнюю историю. По преданиям, прообразом

его была обычная борьба, но потом в те далеко не гуманные времена кому-то пришла в голову идея создать принципиально новый вид борьбы, ставкой в которой служила бы жизнь. И вокруг помоста, на котором состязались борцы, стали втыкать заостренные бамбуковые колья, протыкавшие побежденного — им считался тот, кого сталкивали с помоста,— насквозь. Уже тогда люди догадывались, что чем больше масса человека, тем больше в нем крови, и для поединков стали отбирать исключительно тяжеловесов. Ярко-красные фонтаны, вырывающиеся из корчащихся в агонии тел, радовали взоры высокопоставленных зрителей, для услады которых и предназначалось кровавое зрелище, и они даже распорядились специально откармливать борцов самыми лучшими блюдами, чтобы максимально увеличить их вес.

Несколько веков спустя правила и условия соревнования стали помягче, но традиции сохранились, и тот, кто весит менее 100 кг, для сумо просто-напросто не подходит.

Самый легкий сумоист весит 120 кг, самый тяжелый — 242. Причем большинство борцов всячески стремится улучшить свои показатели — они ежедневно выпивают до 10 л жидкости и в неимоверных количествах поглощают жирное наваристое рагу чанконале. И из-за огромного веса кажутся медлительными и неповоротливыми. Но это не так — у них прекрасная реакция и отличная скорость, а вес распределен таким образом, чтобы центр тяжести был как можно ниже и борца было трудно столкнуть с места.

Но в последнее время стали появляться борцы нового типа, не стремящиеся к увеличению веса и включающие в свой рацион большое количество овощей. Ярким представителем нового течения является один из величайших мастеров современности Тёнофудзи, прозванный из-за косоглазия «Волком». При весе в 120 кг в нем нет ни капли жира, но сила у него такая, что он легко может расправиться с двумя тяжеловесами, весящими каждый вдвое больше него, одновременно.

Тёнофудзи, года три назад установивший рекорд современного сумо, одержав 47 побед подряд, доказал, что вес в сумо хотя и играет огромную роль, но техника все же важнее. Но таких, как он, мало, и подавляющее большинство борцов охотно толстеет. Понятно, что при таком образе жизни доживают они максимум до пятидесяти,

и сами прекрасно об этом знают, но, видимо, считают, что искусство требует жертв...

Сумо, бесспорно, является популярнейшим видом спорта в Японии. И действительно, в нем есть все, что нужно для спорта,— скорость, напряженность, простота правил, отсутствие сложного инвентаря и насилия. Более того, сумо — спорт джентльменов, где кроме всего прочего победитель помогает побежденному подняться на ноги. И хотя европейцу сумо на первый взгляд может показаться довольно странным, японцы от него в восторге. Десять тысяч билетов на турнир (всего в течение года проводится шесть 15-дневных турниров, престижнейшим из которых является осенний) раскупаются с молниеносной быстротой, а телевидение уделяет ему больше внимания, чем жизни императорской семьи.

Схватка проводится следующим образом. На помосте в центре круга диаметром около 4,5 м чертятся две белые линии, на которых перед началом поединка сидят на корточках борцы. При этом они пристально смотрят друг на друга тяжелым взглядом, стараясь выиграть поединок психологически,— и нередко эта борьба взглядов длится дольше, чем сама схватка. Затем, согласно древней традиции, они начинают разбрасывать вокруг себя пригоршни соли, тем самым символически очищая землю и воздух (сумо вообще полно символов, которые за две с лишним тысячи лет за редким исключением остались без изменения).

После удара гонга борцы должны в течение двух секунд вскочить на ноги и в течение еще одной минуты вступить в схватку. Правила довольно просты: побеждает тот, кто заставляет соперника отступить за свою черту или коснуться пола любой частью тела, кроме стопы, с помощью 70 различных борцовских приемов — удары запрещены (в разных источниках указывается разное количество приемов — 48, 70, 200, больше 200, но чаще всего встречается цифра 70).

Мир сумо — консервативный, элитарный, замкнутый — справедливо называют последним оплотом японского феодализма. Неукоснительное соблюдение обычаев, беспрекословное подчинение старшим — его отличительные черты. Считаясь моральным идеалом общества, воплощением чистоты и праведности, сумоист не может появиться на людях в старом кимоно и с ненамасленными и не завязанными в пучок волосами. Единственная женщи-

на, которую он видит на протяжении многих лет,— жена хозяина команды.

С нарушителями же расправляются быстро и жестоко. Так, несколько лет назад восходящая «звезда» сумо Футахагуро случайно в узком коридоре толкнул жену хозяина — у него тут же отрезали пучок, лишили звания и изгнали, хотя все знали, что его ждет великое будущее.

Был лишен своего звания и «великий мастер» — «йокосуна» Вадзима (за последние 350 лет этого звания удостоились немногим более 60 человек). Хироси Вадзима нарушил законы сумо, согласно которым надо выступать под псевдонимом, жить скромно и в ходе турне останавливаться в буддийских монастырях. Вадзима же еще в молодости проявлял вольнодумство, нося прическу под «битлз», а будучи «великим мастером», выступал под собственным именем, ездил в турне в шикарном автомобиле и предпочитал роскошные гостиницы скромным монастырям, а вдобавок заложил свой пай в Ассоциации сумо человеку, не имеющему к ней никакого отношения (в нее входят всего 105 человек, и чужих туда не пускают).

За свои провинности Вадзима был без всякой жалости и снисхождения выброшен на улицу и, став безработным, вынужден был перейти в кэтч и снова стать учеником, как и много лет назад. Бесспорно, что это послужило для других хорошим уроком — выходя в 30—35 лет на пенсию, сумоисты, достигшие за свою карьеру значительных высот, живут более чем безбедно, так как Ассоциация выплачивает им немалую сумму, к тому же они весьма неплохо зарабатывают за время выступлений.

Сумоисты — а всего их в Японии 700 человек в 37 школах — считаются национальными героями. Но быть сумоистом — дело очень и очень тяжелое. И морально, и физически. Живут борцы (за исключением «великих мастеров») в таких спартанских условиях, каких не вынесли бы даже спартанцы. Новички (цукебито) встают в четыре часа утра для первой тренировки — она проходит на земляном полу в помещении, открытом для зимних холодов со снегом и летней удушливой жары. Единственным их одеянием является кусок ткани десятиметровой длины, который складывается вдвое и обвязывается вокруг живота наподобие гигантской пеленки. В этой же форме борцы выходят на помост. После первой тренировки новички прислуживают старшим коллегам — трут им спину в бане, которую каждый борец обязательно принимает пе-

ред поединком, мажут им волосы маслом и помогают их уложить, выполняют всевозможные поручения.

Тем не менее японская молодежь готова обречь свою жизнь на суровые лишения, так как сумоисты привлекают их не только богатством, но и авторитетом в обществе. Впрочем, здесь есть чему позавидовать — знакомство с ними считают за честь сильные мира сего, и, например, на бракосочетании Вадзимы (сумоисты, как правило, женятся поздно, уже став великими мастерами и выйдя на пенсию, то есть когда им уже за 30, и обязаны брать в жены дочь того или иного великого мастера) было 2500 гостей, официальным посредником между ним и невестой был заместитель министра иностранных дел, ставший впоследствии министром, среди гостей был бывший премьер-министр страны и прочие важные персоны.

Как ни парадоксально, сумо начинает постепенно обретать популярность в Европе — после показательных турне японских мастеров, которые были встречены с восторгом (хотя в США, где они также выступали, никто пока не собирается культивировать сумо). Но в Европе уже вовсю функционируют клубы, даже в Великобритании — самой консервативной европейской державе. Число членов лондонского клуба постоянно растет, и к концу 1990 года планируется провести первый чемпионат страны.

О сумо говорят как о национальном японском виде спорта, но за последние десять лет в рядах сумоистов появилось несколько иностранцев. И вот на осеннем турнире 1989 г. случилась сенсация, повергшая японцев в уныние. Словно в ответ на японскую экономическую экспансию на американском рынке победителем турнира стал 25-летний гражданин США, уроженец Гавайских островов, 230-килограммовый борец Алисанэ, выступающий под именем Конисики. Интересно, что среди призов, кроме денежного вознаграждения и личного послания президента Буша, были 1,8 тонны риса и 5 тысяч угрей. Что ж, для гиганта приз самый что ни на есть достойный...

Маленький дракон

...Чего-чего, а громких имен в боевых искусствах хватало и хватает. Создатель современного каратэ Гитин Фунакоси, отец дзюдо Дзигоро Кано, основатель айкидо Морихеи Уэсиба, Масутатсу Ояма, ставший у истоков школы Кёкусинкай, многократный чемпион мира по каратэ-до Чак Норрис, сыгравший главные роли в нашумевших боевиках, актер-кунгфуист Джекки Чан, исполнитель ролей ниндзя Сё Косуги и... всех не перечислить...

Но есть человек, который превосходит их по известности и популярности, человек, который, хотя со дня его смерти минуло уже 17 лет, долго будет считаться Мастером номер один. Претендентов на его трон было и есть немало, но занять его не удалось никому. И в ближайшее время вряд ли удастся. И не исключено, что он останется недосягаемым навсегда...

Брюс Ли... Не прожив и 33 лет, он приобрел такую славу, которая, наверное, не снилась никому. И сегодня видеокассеты фильмов с его участием и плакаты с его изображением расходятся миллионными тиражами, книги его и о нем до сих пор остаются бестселлерами. Пять лет или чуть больше он прожил в центре всеобщего интенсивного внимания, успев при жизни стать идолом и объектом поклонения для многих, чего не удавалось никому из его предшественников и последователей, и, кажется, за это время все узнали о нем всё.

Но, промелькнув со скоростью метеора и молниеносно сгорев, он, как оказалось, был не так уж понятен и хорошо изучен — загадок после него осталось не меньше, чем их было при его жизни. К тому же, кроме жены, близких друзей и последователей, воспоминания о нем писало множество самых разных людей — возможно, особого отношения к нему не имевших, так что, несмотря на обилие информации, она запутана и противоречива, и вряд ли кто-то сможет с уверенностью утверждать, что обладает абсолютно точными данными.

Брюс Ли, получивший при рождении еще два имени — Ли Сяо Лунь, что в переводе означает Ли — Маленький дракон (это имя, собственно, и было первым), и Ли Чженфань (по одной из версий, изложенной в английском журнале «Файтерз Мэгэзин», одним из имен было Юн Кам), родился 27 ноября 1940 года, года Дракона по восточному календарю, в семье актера китайской оперы, находившегося вместе с женой на гастролях в Сан-Франциско.

Рос он в Гонконге, где и жила семья, и с детства был воинственным и драчливым. К 13 годам он возглавлял одну из вечно соперничающих между собой группировок и охотно принимал участие в стычках, в которых шли в ход не только кулаки и ноги, но и палки, кастеты, цепи, ножи. После одной из таких потасовок ему пришла в голову мысль, определившая его дальнейшую судьбу,— он представил себе, что произойдет, если в какой-то момент он окажется один против нескольких противников. С помощью отца Ли поступил в школу Ип Мэна, патриарха южнокитайского стиля кунг-фу — Вин Чун (другой вариант прочтения Юн Чунь, в переводе означает «Прекрасная весна»).

По преданиям, Вин Чун был создан около 400 лет назад монахиней Им Вин Чун. Вполне понятно, что, коль скоро у истоков стиля стояла женщина, то он не тре-

бовал от занимающихся большой физической силы и основывался на умении владеть собственным телом и работе рук. Ударов ногами в Вин Чун практически нет. Отличительной чертой стиля является метод чи сао («липкие руки») — хитроумные варианты блокировки и связывания рук соперника — причем у занимающегося Вин Чун чувствительность рук развивается до такой степени, что он может легко предугадывать движения соперника и предвидеть его замыслы. Стиль «Прекрасная весна», предназначенный для ближнего боя, очень эффективен, так что Брюс Ли нашел именно то, что искал.

Начав заниматься, он тут же забросил свою компанию и отдавал тренировкам по 5 и более часов в день. Прогрессировал мальчик быстро, и Ип Мэн, первым заметивший в нем талант к боевым искусствам, стал уделять ему больше внимания, чем остальным, и заниматься с ним индивидуально, посвящая в тонкости стиля и его философию, без чего стать настоящим мастером довольно сложно.

А через 3 года Ли был уже искушенным бойцом, и слухи о молодом перспективном мастере облетели весь Гонконг, хотя на улице он свое умение не применял — он и так знал, что силен, и не нуждался в подтверждении этого, а к тому же четко усвоил, что цель кунг-фу — развить человека до такого уровня, когда у него отпадет сама потребность пускать свое оружие в ход. Сказались и уроки Ип Мэна, втолковывавшего ему непреходящие человеческие ценности, рассказывавшего о добре и зле, приводившего в качестве примера различные легенды и предания. Эти уроки пригодились, когда вскоре Ли получил выгодное предложение от местной мафии стать за приличное вознаграждение боевиком или телохранителем. Ли отказал не раздумывая и через несколько дней по настоянию родителей улетел в США — мафия не любила строптивых.

Оказавшись в Соединенных Штатах, точнее в городе Сиэтле,— у него, как у человека, родившегося на территории этой страны, было американское гражданство,— Ли поступил в техническую школу Эдисона. Семья его была не из богатых, так что ему приходилось подрабатывать мытьем тарелок в ресторане, а оставшееся время он посвящал тренировкам, тратя на них не меньше времени, чем в Гонконге. Вообще-то, слово «тратить» здесь не подходит — боевые искусства были единственным делом, по-

настоящему интересовавшим его. Все остальное по сравнению с ними казалось мелким и незначительным.

Продолжая тренироваться по Вин Чун, Ли решил познакомиться и с другими стилями — он уже тогда отлично понимал, что в единоборствах необходим самый широкий кругозор. В китайской общине, одной из самых многочисленных в США, он нашел мастеров северных стилей, учился у них и ввел в свой арсенал различные удары ногами. А заодно знакомился с другими единоборствами, собирал библиотеку учебников и пособий по дзюдо, каратэ-до, кэндо, джиу-джитсу, боксу (долгое время его кумиром был Мохаммед Али, и у Брюса было большое количество видеозаписей его боев, которые он регулярно просматривал).

После окончания школы Ли подал документы на философский факультет университета Сиэтла и был принят. Тогда же ему пришла в голову идея найти другой способ зарабатывания на жизнь, и он открыл секцию кунг-фу. В то время интерес к Востоку в США был огромен, а о кунг-фу знали лишь понаслышке, считая его тайным, тщательно засекреченным искусством буддийских монахов, что было отчасти верно. От желающих заниматься у него не было отбоя, хотя заработок был невелик — чуть больше двадцати долларов в неделю (несколько лет спустя многие рады будут выложить по 500 долларов за час занятий у него, но удастся это единицам). Но Вин Чун с его философией и спецификой не очень подходил для людей, с Востоком незнакомых, и Ли решил создать свой собственный стиль.

В кунг-фу множество стилей, и каждый мастер считает совершенным свой. Но откуда тогда столько стилей — ведь совершенным может быть только один, считал Ли. Более того, в них слишком много традиций и ритуалов, много нежизненных, давно устаревших элементов, которые и составляют базу, классику, но утратили всякое значение. И эти ритуалы и традиции, которые сродни плаванию на суше, загоняют занимающегося в жесткие рамки, за которые он не может выйти и которые обедняют его технику и донельзя сужают его кругозор, не дают возможности правильно понять сущность боевых искусств. Разные стили по-разному учат блокировать или наносить один и тот же удар, но ведь для отражения или нанесения одного и того же удара не может существовать нескольких путей, а если все они существуют, то отличаются от одного —

естественного. Заставляя занимающегося слепо следовать тем или иным канонам, они лишают его творчества и тем самым обрекают на поражение в бою — в реальном поединке нет четко установленных схем, в нем может возникнуть любая, даже самая непредвиденная ситуация, и тактика бойца, стремящегося к победе, должна быть гибкой. Как говорил древнекитайский мудрец Лаоцзы, мудрый солдат знает, как построиться в ряды там, где нет рядов, как носить оружие, даже если его нет, умеет приблизиться к противнику, даже если нет противника. То есть в бою побеждает тот, кто умеет лучше использовать ситуацию.

Надо сказать, что в классических стилях боевых искусств действительно есть множество элементов, непригодных для использования в поединке. Но прикладной аспект есть лишь часть искусства, и в том же каратэ-до невозможно сдать экзамен на пояс и тем более на дан без знания классики, хотя бы потому, что она является традицией и формирует более полное представление о боевом искусстве.

Ли же интересовался исключительно прикладным аспектом — эффективность была для него главным критерием. И он начал работу по созданию чисто боевого стиля, отбирая для него приемы из различных единоборств. Отличительными чертами этого стиля кроме эффективности должны были стать непосредственность и прямота движений, отсутствие привязанности к какому-либо принципу («Будь свободным. Следуй принципу, раствори принцип, но не будь привязан к нему»,— писал Ли) и творчество, свобода самовыражения. Впоследствии он не раз подчеркивал, что мастер выражает себя в каждом движении, и даже считал, что физические данные и способности не играют для занимающегося никакой роли, так как основное — это личность.

А тем временем популярность Брюса росла. Сначала он устроил показательные выступления в рамках турнира по каратэ-до, и обладатель черного пояса не смог не то что отразить, а даже среагировать ни на один из 10 ударов, которые Ли наносил с расстояния одного шага. Вскоре ему предложили сняться для телевидения, и затем после того, как передача о Ли и кунг-фу произвела настоящий фурор, уже пришло приглашение на роль помощника детектива в фильме «Зеленый шершень». Фильм прошел на «ура», и предложения стали поступать одно за другим.

Одно из них новоиспеченный магистр философии, женатый к тому времени на своей ученице шведке Линде Эмери, принял и снялся в картине «Большой Босс», сыграв роль борца с мафией, угнетающей наемных рабочих в Малайзии. Реакция на фильм превзошла все ожидания, и такая же судьба ждала следующие фильмы — «Кулак ярости» и «Войти в дракона». Роль молодого мастера боевых искусств, приезжающего в Рим из Гонконга, чтобы защитить хозяев китайского ресторанчика от итальянских мафиози, и роль инспектора полиции — выпускника Шаолиньской школы, проникающего в логово наркомафии и выигрывающего турнир и борьбу с преступниками, получили высокую оценку. На экране появился образ человека, который показал, что в этой жестокой, опасной жизни можно не только защищаться, но и побеждать, и что зло со всем его могуществом может быть наказано, к каким бы хитростям, уловкам и жестокостям оно ни прибегало. Ведь, несмотря на обилие экранной крови, во всех фильмах Ли играет положительную роль, роль человека, отстаивающего добро.

Успех был на самом деле невероятный. Видеокассеты шли нарасхват, открытки и плакаты с изображением Ли — тоже, магазины вовсю торговали тапочками, костюмами «под Брюса Ли». В ученики к нему стремились попасть известнейшие люди Америки — «звезды» экрана и эстрады, преуспевающие политики и бизнесмены.

В 1967 году Ли объявил о создании нового стиля, который сначала по имени создателя назывался Чженфаньфу, а затем — Джит Кун До, что в переводе означает «путь опережающего кулака». Интересно, что долгое время он не хотел давать своему детищу имя, считая, что одно только название уже загонит его в определенные рамки, и часто говорил о нем как о «стиле без стиля». И опасения его в общем-то сбылись — ученикам он давал базовую технику, методику, тактику, тем самым отрицая собственный принцип, который подходил лишь для человека, обладающего очень высоким уровнем, а то и только для него самого. Демонстрировать свой стиль в кино он тоже не мог — понятия эффективности и эффектности в боевых искусствах совпадают далеко не всегда.

Даже во время съемок Ли не забывал о тренировках. Разбогатев, он купил в Голливуде виллу, оборудовал спортивный зал и работал в нем с тренажерами собственной конструкции, встречался с мастерами различных

единоборств. Говорят, что в гараже у него висел двухсоткилограммовый мешок, который даже после ударов искушенного бойца оставался неподвижным, а после удара Ли начинал бешено раскачиваться, так что он мог сразиться даже с немыслимых размеров гигантом. А скорость удара была такова, что камера не всегда успевала на него отреагировать.

Для тренировок он использовал все свободное время и не мог сидеть спокойно ни минуты — даже когда смотрел телевизор, умудрялся что-то отрабатывать. Один из его друзей вспоминал позже, как однажды в самолете Ли не переставая стучал кулаком по столику, и, когда его попросили перестать, вежливо отказал, объяснив, что все время должен быть в форме.

Друзья и знакомые Ли нередко называли его «человек с тремя ногами» — в поединке мало кому удавалось блокировать его молниеносные удары. Во французском журнале «Бушидо», посвященном боевым искусствам, в спецвыпуске о Брюсе Ли приводился его послужной список — 597 побед из 602 боев. Если он верен, то смело можно утверждать, что эти пять боев он проиграл в юности — потом он уже не ведал поражений.

Как ни странно, Ли никогда не принимал участия в официальных турнирах и чемпионатах, хотя, наверное, мог без особого труда получить титул чемпиона мира или какое-нибудь другое престижное звание. Но это его не интересовало. Более того, он не имел в боевых искусствах никакой степени и говорил, что пояс — только свидетельство и без практического умения ничего не значит и пригоден лишь для поддерживания штанов.

Ли не любил и показательных выступлений, отрицательно относился к разбиванию предметов, хотя ударом обладал мощнейшим: он считал, что крушить доски и кирпичи бессмысленно, так как они не могут ответить (в фильме «Войти в дракона» он произносит в лицо сопернику, только что с угрожающим видом расколовшему одним ударом доску, такие слова: «Доски не дают сдачи»).

В 1973 году Ли, основавший в Гонконге собственную киностудию «Конкорд», начал съемки фильма «Игра смерти», который должен был превзойти все предыдущие картины о боевых искусствах вместе взятые — в нем должны были принять участие известные мастера различных единоборств. Ли привлек к съемкам даже знаменитого американского баскетболиста Карима Абдул-Джаббара

(видимо, из-за его роста). Но отснять успел лишь 20-минутный эпизод. 20 июля Ли почувствовал себя плохо, попросил у партнерши по съемкам таблетку от головной боли (что ее ужасно удивило, так как лекарств он не принимал), вскоре у него начались судороги, и он скончался в больнице, не приходя в сознание.

Смерть его вызвала массу слухов и домыслов, возникали версии одна красочней другой: отравление, убийство, самоубийство, перетренированность, наркотики... Но все оказалось проще — умер он своей смертью, хотя и не совсем обычной. От болезни, встречающейся настолько редко, что врачи, производившие вскрытие и отметившие, что у 32-летнего Брюса организм 18-летнего юноши, были поражены: он скончался от опухоли мозга, вызванной повышенной чувствительностью к некоторым компонентам таблеток от головной боли. «Маленький дракон», всесильный в жизни и на экране, оказался бессилен против болезни, которой не боятся простые смертные.

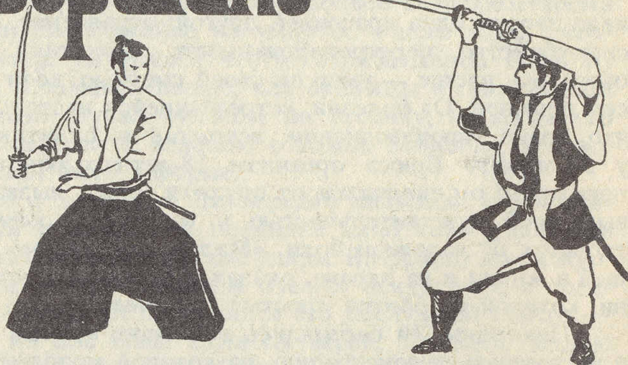
Похороны Ли состоялись в Сиэтле, причем вылились в настоящую демонстрацию, на которой молодые девушки давали обет безбрачия и было даже несколько самоубийств. А на городском кладбище появилась плита с надписью на английском и китайском языках: «Брюс Ли. Основатель Джит Кун До». Дома, в Гонконге, был создан его музей, в котором и сегодня можно увидеть посмертную маску Ли и его личные вещи.

После себя Ли оставил пять фильмов, три книги и сына Брэндона, который, как ни старался, не смог стать даже копией отца.

Но, кроме того, революция в боевых искусствах, новое учение, новый стиль, новый образ на экране, весьма результативная пропаганда единоборств (очень многие пришли в секции, посмотрев его фильмы и после его смерти, когда по всему миру открылось огромное количество клубов имени Брюса Ли). Для одного человека более чем достаточно...

Пути к вершине

...Число боевых искусств и восточных единоборств, не являющихся искусствами в полном смысле этого слова, довольно велико, и в рамках этого издания невозможно хотя бы вкратце рассказать о каждом.

Многие из них уже полностью или частично забыты, многие — такие как корейские му дук квон, хапкидо, танг-судо, хваранг-до, вьетнамское вьетводао, индонезийские кали, эскрима, пенчак, силат, сикаран, таиландский бокс и другие азиатские национальные единоборства и искусства — культивируются довольно узким кругом людей. Что касается наиболее распространенных боевых искусств, то на страницах этой книги я попытался рассказать о них более или менее подробно.

Стоит сказать несколько слов и о наиболее популярных искусствах борьбы с оружием, которые также являются

воинскими искусствами, хотя давно уже утратили прикладное значение и стали, образно говоря, искусствами для искусства. Это японские кьюдо («путь лука и стрелы») и кэндо («путь меча»), считающиеся, как и айкидо, самыми престижными и элитарными искусствами. Кэндо, пожалуй, заслуживает особого внимания — ведь меч в Японии издавна считался символом божественного происхождения императора и символом могущества, и каждый обладатель меча как бы приобщался к источнику силы и власти. И как бы он ни был беден, как бы ни нуждался, меч его всегда был богато инкрустирован и находился в прекрасном состоянии. Даже смерть от меча считалась благородной — правда, когда самурай вынимал меч из ножен, от него предпочитали держаться подальше.

Родилось кэндо в X веке, а когда в 1868 году ношение мечей было запрещено, школы кэндо, появившиеся при университетах (сегодня при каждом университете и колледже функционирует клуб кэндо) и школах, где кэндо является факультативным предметом, стали использовать на тренировках деревянные мечи — боккены. Основная задача кэндо — та же, что и у других воинских искусств, а популярность весьма велика — кэндо сейчас занимается около 10 миллионов японцев и примерно полмиллиона иностранцев.

Кроме оригинальных боевых искусств существуют искусства смешанные — например иайджитсу, нечто среднее между кэндо и айкидо, айкибудо и некоторые другие. В мире также существует и развивается масса единоборств, основанных на боевых искусствах Востока. Так, кэтч включает в себя приемы каратэ-до и дзюдо, кик-боксинг (в нем существует четыре раздела — сольные композиции под музыку, напоминающие ритмическую гимнастику, и поединки в легкий, средний и полный контакт) основан на технике каратэ-до, таэквондо и европейского бокса. Есть и очень любопытные виды — например каратэбика, смесь каратэ-до с аэробикой, созданная несколько лет назад японкой Эйко Хасэгава, имеющей черный пояс по школе Кёкусинкай. Есть различные системы рукопашного боя, использующиеся в армиях разных стран, также основанные на технике восточных боевых искусств.

Нарисовать генеалогическое дерево боевых искусств — задача крайне сложная, так как, хотя ствол у него один — китайские системы ушу, давшие толчок развитию большинства искусств, многие ветви его тесно переплетаются.

Так, джиу-джитсу стимулировало развитие окинава-тэ, затем произошло взаимное обогащение технических арсеналов, таэквондо многое позаимствовало из техники каратэ-до, а окинава-тэ, в свою очередь, оказало влияние на дзюдо, вышедшее из джиу-джитсу. Таких ситуаций великое множество, и разобраться во всех этих хитросплетениях не так легко, как кажется на первый взгляд. Но вершина у них тоже одна, так как на высшем уровне все боевые искусства сходятся — в высших ката каратэ-до обязательно изучаются броски, в высших ката дзюдо — удары, различные виды бросков встречаются во многих стилях ушу.

Все воинские искусства равны — и традиционно оздоровительные, и боевые в полном смысле этого слова, и искусства невооруженной борьбы, и искусства борьбы с оружием. Все они стремятся к одной вершине — совершенству, постижению истины, полному слиянию тела, души и разума. И неважно, достигается ли эта цель во время контактного спарринга или во время стрельбы из лука, в ходе борьбы на татами, в поединке на палках или деревянных мечах. Истина одна, а путей ее постижения много, и каким бы из этих искусств ни занимался человек, он в процессе занятий укрепляет тело, психику и разум и становится воином по духу. Становится воином, чтобы никогда не сражаться...

Содержание

От издательства 3
Предисловие 4
Секреты Шаолиня 7
Искусство пустоты 18
Ветка, не сломленная снегом 30
Охота на невидимок 37
Жесткость мягкого пути 44
«Волшебный меч» профессора Уэсибы 49
Полеты над татами 57
Гиганты в пеленках 63
Маленький дракон 68
Пути к вершине 76

Оранский Игорь Валерьевич

ВОСТОЧНЫЕ ЕДИНОБОРСТВА

Заведующий редакцией А. А. Красновский
Редактор В. С. Ефремов
Художник А. В. Ким
Художественный редактор Г. А. Шипов
Технические редакторы Л. В. Колесова, Т. В. Фатюхина
Корректор Е. Л. Оленина

ИБ № 78

Сдано в набор 30.05.90. Подписано к печати 18.10.90. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 5,46. Уч.-изд. л. 4,20.

Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 200 001-300 000 экз.) Изд. № 1082. Заказ 3290. Цена 90 к.

Издательство «Советский спорт» Госкомспорта СССР. 101913, ГСП, Москва, Центр, ул. Архипова, 8.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства Куйбышевского обкома КПСС. 443086, г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

В 1991 году
издательство «Советский спорт»
готовит к выпуску в свет
издания из серий:

«Физкультурная библиотечка родителей»

«Физкультура для здоровья»

«Физкультура против недуга»

«Физкультурная библиотечка школьника»

«Школа спортивного мастерства»

«Ритмы атлетизма»

«Школа выживания»

«Настольные игры»